

DOI 10.23859/2587-8344-2019-3-1-5
УДК 34.096

Епифанов Александр Егорович
Доктор юридических наук, профессор,
Волгоградский государственный университет,
(Волгоград, Россия)
kmp@volsu.ru

Epifanov Alexander
Doctor of Law, Professor,
Volgograd State University,
(Volgograd, Russia)
kmp@volsu.ru

**Сталинградские органы внутренних дел
в борьбе с гитлеровскими военными преступниками (1942–1943 гг.)***

**Stalingrad Internal Affairs Agencies
in the Fight against the Nazi War Criminals (1942–1943)**

Аннотация. Статья посвящена организационным и правовым основам деятельности сталинградских органов НКВД по установлению и расследованию гитлеровских злодеяний в 1942–1943 годах. На основе архивных материалов, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, автор показывает особенности и основные показатели борьбы органов внутренних дел с гитлеровскими военными преступниками и их пособниками на примере Сталинграда. В статье делается вывод о том, что благодаря сталинградским органам внутренних дел были установлены жертвы и материальный ущерб от гитлеровских злодеяний на территории области, а также были названы имена их виновников.

Ключевые слова: гитлеровские военные преступники, Чрезвычайная государственная комиссия, комиссия содействия, военнопленные вермахта, Сталинград, НКВД, НКГБ, зверства и злодеяния.

* Для цитирования: *Епифанов А.Е.* Сталинградские органы внутренних дел в борьбе с гитлеровскими военными преступниками (1942–1943 гг.) // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* 2019. Т. 3. № 1. С. 318–370. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-1-5

For citation: Epifanov, A. “Stalingrad Internal Affairs Agencies in the Fight against the Nazi War Criminals (1942–1943)”. *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 3, no. 1 (2019): 318–370, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-1-5>

© Епифанов А.Е., 2019

© Epifanov A., 2019

Abstract. The article is devoted to the institutional and legal aspects of Stalingrad NKVD to investigate the Nazi atrocities in 1942–43. Based on the archival records, many of which are introduced to the scholars for the first time, the author shows the features and the main indicators of the struggle of internal affairs agencies against the Nazi war criminals and their collaborators on the example of Stalingrad. The article includes an introduction, a main body, a conclusion and references. The article concludes that, thanks to the Stalingrad internal affairs agencies, the victims and the material damage from the Nazi atrocities were identified in the region, and the names of their perpetrators were identified.

Keywords: Nazi War Criminals, the Extraordinary State Commission, assistance commission, Wehrmacht and prisoners of war, Stalingrad, NKVD, NKGB, atrocities and wrongdoings

Исследование выполнено при поддержке РГНФ (ныне РФФИ) в рамках проекта «Советские судебные процессы над военными преступниками в 1943–1991 гг.: цели, функции и эффекты избирательной медиатизации» № 16–21–08001.

The research is executed with assistance of RFH (now Russian Foundation for Basic Research (RFBR)) within the project “The Soviet trials over war criminals in 1943–1991: purposes, functions and effects of a selective mediatization” No. 16–21–08001

Введение

Проблемы, связанные с ответственностью гитлеровцев и их пособников за военные преступления, отличаются исключительным разнообразием. Им посвящена обширная и многоаспектная литература, издававшаяся на протяжении многих лет, с Великой Отечественной войны и до настоящего времени. Подходы к разрешению названных проблем зависели от идейно-политических позиций авторов, менялись с учетом преобразований господствующей идеологии, характера используемых в качестве источника материалов, а также естественной для каждого человека эволюции взглядов. Не были они свободны и от конъюнктуры.

Самые многочисленные в рассматриваемой сфере – работы ученых периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. К ним следует отнести прежде всего труды А.Ф. Волчкова, Б.В. Глебова, М.Н. Гернета, В.Н. Дурденевского, В.И. Курляндского, Д.Б. Левина, А.А. Пионтковского, Н.Н. Полянского, М.Ю. Рагинского, П.С. Ромашкина, А.Н. Трайнина, Б.С. Утевского¹. Названные авторы внесли большой вклад в дело изобличения

¹ Волчков А.Ф. Агрессия как международное преступление: по материалам Нюрнбергского процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1950; Глебов Б. Военные преступники перед советским судом // Советское государство и право. 1946. № 3–4. С. 51–60; Гернет М.Н. Преступления гитлеровцев против человечности. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1946; Дурденевский В.Н. На пути к международному уголов-

гитлеровских захватчиков в совершении ими массовых злодеяниях на временно оккупированной территории СССР, правовое обоснование необходимости их уголовного преследования, организации с этой целью международного военного трибунала.

В последующие годы советские ученые не прекратили научные исследования по проблемам, связанным со злодеяниями гитлеровских захватчиков и их пособников на территории СССР. Широкую известность в этой связи приобрели работы Г.Н. Александрова, Н.С. Алексеева, Б.Т. Антоненко, В.Г. Иванова, Д.С. Карева, В.Н. Кудрявцева, С.Т. Кузьмина, Н.С. Лебедевой, Е.П. Мелешко, В.К. Молчанова, А.И. Полторака, В.В. Рясного, Л.Н. Смирнова, Ю.М. Чернявского и др.²

Анализ публикаций перечисленных авторов показывает, что в них проблема ответственности за военные преступления, совершенные немецко-

ному правосудию // Научные записки Института внешней торговли Наркомвнешторга СССР. Вып. 1. М.: Институт международных отношений, 1945. С. 174–188; *Курляндский В.И.* Об уголовной ответственности виновников нарушений и законов войны // Труды Военно-юридической академии. Вып. 11. 1950. С. 139–174; *Левин Д.Б.* Об уголовной ответственности военнопленных // Вопросы уголовного права. Сб. 1. М.: Юридическое издательство Народного Комиссариата Юстиции СССР, 1944. С. 85–94; *Полянский Н.Н.* Международное правосудие и преступники войны. М.: АН СССР, 1945; *Пионтковский А.А.* Вопросы материального уголовного права на Нюрнбергском процессе М.: АН СССР, 1948; *Рагинский М.Ю.* Основные процессуальные вопросы организации и деятельности международных военных трибуналов в Нюрнберге и Токио: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Всесоюзный институт юридических наук Министерства Юстиции СССР, 1950; *Ромашкин П.С.* Военные преступления империализма. М.: Госюриздат, 1953; *Трайнин А.Н.* Бесчеловечный гуманизм // Война и рабочий класс. 1944. № 9. С. 16–18; *Трайнин А.Н.* Уголовная ответственность гитлеровцев. М.: Юриздат, 1944; *Утевский Б.С.* Судебные процессы о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории СССР. М.: Юриздат, 1946.

²*Александров Г.Н.* Преступления нацистов не могут быть преданы забвению // Советское государство и право. 1968. № 2. С. 117–118; *Алексеев Н.С.* Злодеяния и возмездие. Преступления против человечества. М.: Юридическая литература, 1986; *Алексеев Н.С.* Ответственность нацистских преступников. М.: Международные отношения, 1968; *Антоненко Б.Т.* На преступнике – свастика. М.: Юридическая литература, 1981; *Иванов В.Г.* Нацистские военные преступники и их покровители. М.: Знание, 1985; *Карев Д.С.* Нюрнбергский процесс. М.: Знание, 1976; *Кудрявцев В.Н.* Закон, поступок, ответственность. М.: Наука, 1986; *Кузьмин С.Т.* Сроку давности не подлежит. М.: Политиздат, 1985; *Лебедева Н.С.* Подготовка Нюрнбергского процесса. М.: Наука, 1975; *Мелешко Е.П.* К истории вопроса об ответственности за нарушения законов и обычаев войны // Советский ежегодник международного права. М.: АН СССР, 1960–1961. С. 220–252; *Молчанов В.К.* Возмездие должно свершиться: нацистские военные преступники и их покровители. М.: Политиздат, 1984; *Полторака А.И.* Нюрнбергский процесс (Основные правовые проблемы). М.: Наука, 1966; *Рясной В.В., Чернявский Ю.М.* На службе дьяволу. М.: Юридическая литература, 1969; *Смирнов Л.* Преступники против мира и человечества не должны уйти от ответственности // Социалистическая законность. 1969. № 1. С. 11–16.

фашистскими захватчиками и их пособниками на территории СССР, исследовалась, в основном, лишь в общеисторическом либо международно-правовом плане. Освещению подвергались, главным образом, внешние проявления нацистских злодеяний, то есть те последствия, которые они повлекли за собой для Советского государства и его народа. Национальное судопроизводство в отношении гитлеровских военных преступников и их пособников рассматривалось лишь в пределах некоторых открытых показательных процессов, причем в посвященных им работах также преимущественно обсуждались деяния подсудимых. На исследованиях, проведенных в СССР, лежит печать некоторой тенденциозности, они недостаточно критичны, что, однако, не снижает их научной значимости.

Работы, вышедшие в постсоветский период, заслуживают отдельного рассмотрения. Их характерными чертами являются критический подход к проблеме ответственности военных преступников и их пособников, аргументация своих выводов и положений на основе объективных материалов из ставших доступными архивных источников. Некоторое внимание к уголовной ответственности нацистских преступников, организации и деятельности соответствующих органов Советского государства уделяется в появившихся за последнее время исследованиях, в том числе диссертационных, посвященных организации и проведению открытых процессов над гитлеровскими военными преступниками и их пособниками, истории и правовому положению военнопленных вермахта и коллаборационистов в СССР; людским потерям и материальному ущербу, нанесенному гитлеровскими захватчиками СССР в годы войны; судьбам некоторых одиозных личностей, таких, как, например, немецкий генерал Зейдлиц, осужденных в СССР по обвинению в военных преступлениях, а также соответствующим общеисторическим и политическим аспектам данной проблемы.

Ныне наиболее заметные работы в рассматриваемой сфере принадлежат таким исследователям, как В.П. Галицкий, В.Б. Конасов, А.А. Крупенников, Н.В. Петров, П.М. Полян, А.С. Смыкалин, М.И. Семиряга, Б.Н. Ковалев, Д.Ю. Асташкин, А.Л. Кузьминых, С.В. Кулик³.

³*Галицкий В.П.* Репрессивная политика Советского правительства в отношении иностранных военнопленных и гражданских лиц (1939–1956 гг.) // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии: материалы к Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Вологда: Русь, 1995. С. 3–13; *Конасов В.Б.* Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект проблемы. М.: Институт военной истории, 1998; *Конасов В.Б.* Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда: Вологодский институт повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1996; *Крупенников А.А.* Тяжкая ноша плена. Статьи. 1993–2000. М.: Рейттаръ, 2001; *Петров Н.В.* Внесудебные репрессии против немецких военнопленных в 1941–1946 гг. // Проблемы военного плена: история и современ-

Зарубежные исследователи, опираясь главным образом на систематизированные воспоминания бывших военнопленных вермахта, ранее осужденных в СССР по обвинению в военных преступлениях, однозначно оценивают соответствующую деятельность Советского государства как произвол. Лишь в последние годы в зарубежной печати появились работы по данной проблеме, основывающиеся на сведениях, почерпнутых из архивов России и бывшей ГДР. Их авторы предпринимают попытки внести ясность в такие вопросы, как воздействие на судьбы военнопленных и интернированных граждан Германии и Австрии советских карательных органов и мест заключения. К числу наиболее компетентных зарубежных исследователей в рассматриваемой сфере следует отнести К. Беренса, Г. Вагенленера, С. Карнера, М. Ланга, А. Леманна, А. Смита, А. Хильгера и др.⁴

Таким образом, историография исследований по названным проблемам демонстрирует их фрагментарный характер. Особенно характерным это обстоятельство является для изучения региональных особенностей преследования гитлеровских военных преступников и их пособников, которые в значительной

ность: материалы Международной научно-практической конференции 23–25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2. Вологда: Вологодский институт повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1997. С. 77–95; *Полян П.* Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация. М.: Ваш Выбор ЦИРЗ, 1996; *Смыкалин А.С.* Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 1997; *Семиряга М.И.* Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000; *Ковалев Б.Н.* Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России (1941–1945 гг.). Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2009; *Асташкин Д.Ю., Ковалев Б.Н., Кулик С.В.* Оккупация, сопротивление, возмездие. Нацистский режим на Новгородской земле. Великий Новгород: Новгородский государственный университет, 2016; *Кузьминых А.Л.* Военный плен и интернирование в СССР. Вологда: Древности Севера, 2016.

⁴ *Bährens K.* Deutsche in Straflagern und Gefängnissen der Sowjetunion // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 5 (1). München–Bielefeld: Ernst und Werner Gieseking, 1965; *Hilger A.* Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956. Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung. Essen: Klartext Verlag, 2000; *Hilger A.* Sowjetische Justiz und Kriegsverbrechen. Dokumente zu den Verurteilungen deutscher Kriegsgefangener, 1941–1949 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, no. 54 (2006). S. 461–515; *Hilger A.* Sowjetische Militärtribunale. Band 1: Die Verurteilung deutscher Kriegsgefangener 1941–1953. Köln: Böhlau Verlag, 2001; *Karner S.* Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956. Wien–München: R. Oldenbourg Verlag, 1995; *Lang M.* Stalins Strafjustiz gegen deutsche soldaten. Die Massen-Prozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in den Jahren 1949 und 1950. Herford: Mittler, 1981; *Lehmann A.* Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. München: C.H. Beck, 1986; *Smith A.* Heimkehr aus dem Zweiten Weltkrieg. Die Entlassung der deutschen Kriegsgefangenen. Stuttgart: Verlags-Anstalt, 1985; *Wagenlener G.* Stalins Willkürjustiz gegen die deutschen Kriegsgefangenen. Bonn: Verlag der Heimkehrer, 1993.

степени остались без внимания ученых, как, например, на территории Сталинградской области, которая, по нашему мнению, явилась одной из отправных точек данного процесса.

К моменту вторжения немецко-фашистских захватчиков этот регион был крупнейшим промышленным и сельскохозяйственным районом СССР. Область была оккупирована не полностью: из 73 районов ими было захвачено 14, которые и подверглись наибольшему разрушению. 22 района стали прифронтовыми, испытывая методичные налеты авиации и артобстрелы. В руках оккупантов оказались часть Сталинграда, г. Серафимович, рабочий поселок Котельниково и еще 243 населенных пункта.

Всего 6 месяцев находилась группировка Паулюса на Сталинградской земле, но она оставила страшный след. Бесчинствовавшие части вермахта были воспитаны в духе беспощадности к военнопленным и мирным советским гражданам. Ставший впоследствии хрестоматийным приказ генерал-фельдмаршала Рейхенау, предшественника Паулюса на посту командующего 6-й армией вермахта, предписывал: «Основной целью похода против советско-большевистской системы является полный разгром государственной мощи и покорение азиатского влияния на европейскую культуру. В связи с этим перед войсками возникают задачи, выходящие за рамки обычных обязанностей воина... К борьбе с врагом за линией фронта мы все недостаточно серьезно относимся. Все еще продолжают брать в плен коварных жестоких партизан и выродков-женщин; к одетым в полувоенную и гражданскую одежду отдельным стрелкам из засад и бродягам относятся все еще как к настоящим солдатам и направляют их в лагеря для военнопленных. Пора начальствующему составу пробудить в себе понимание борьбы, которая ведется в настоящее время...»⁵.

Паулюс хотя и отменил «позорный приказ», но обуздать повсеместные кровавые расправы и грабежи, чинимые его войсками, не пытался. Массовые убийства мирных граждан, умерщвление голодом, отравление газами, истребление больных, мучительные пытки – все это практиковалось как система, с немецкой педантичностью и хладнокровной аккуратностью. Гитлеровские генералы старались перещеголять друг друга бесчеловечностью своих приказов, а их солдаты и офицеры состязались в совершении преступлений над мирным населением и военнопленными.

Основная часть

Накоплением и обработкой материалов о зверствах фашистов первыми занялись органы НКВД, а точнее – находившиеся в их ведении государственные

⁵ Документы обвиняют: сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. М.: Государственное издательство политической литературы, 1943. Вып. 1. С. 157.

архивы. Прологом к официальному расследованию злодеяний гитлеровцев следует считать мероприятия, санкционированные приказом Наркома внутренних дел СССР от 25 февраля 1942 г. «О направлении материалов о зверствах немецко-фашистских захватчиков в Управление государственными архивами НКВД СССР»⁶. Этим приказом и объясняется внимание сотрудников Сталинградского Управления НКВД (УНКВД), во главе с А.И. Ворониным, к преступным действиям вторгшихся на территорию области оккупантов. В соответствии с упомянутым приказом, все акты, фотоснимки, а также захваченные у врага материалы, отражающие зверства, насилия, грабежи и разрушения, учиненные захватчиками, надлежало, после их использования, направлять в Бекетовку, где находился отдел государственных архивов Сталинградского УНКВД.

Наряду со сведениями о дислокации и передвижениях вражеских войск, отдел КРО (контрразведки) Управления НКВД в сводках о положении в тылу противника, направляемых для ежедневного доклада руководству НКВД СССР, а также предназначавшихся армейскому командованию, отводил немало места информации о причиненном гитлеровцами ущербе и совершенных ими злодеяниях. К примеру, в сводке разведанных № 5 от 12 августа 1942 г.⁷, направленной заместителю Наркома внутренних дел СССР И.А. Серову, сообщалось о том, что в хуторе Голубой Сиротинского района у колхозников отобран и угнан весь скот. Колхозница Панова из хутора Теплый, мать четверых детей, за то, что обозвала немецкого офицера, отнявшего у нее корову, грабителем, была им расстреляна. Немцы, поголовно занимавшиеся грабежом, отбирали наиболее ценные вещи, а своим вассальным войскам из румын оставляли всякую мелочь: домашнюю утварь, детские игрушки. Румыны не гнушались и этим.

В сводке разведанных на 13–17 октября 1942 г. о положении в Сталинграде, предназначенной командующему фронтом А.И. Еременко, указано, что в районе станции Разгуляевка в двух деревянных бараках находятся около 500 советских военнопленных, которые содержатся в исключительно тяжелых условиях, питаются только баландой и капустой. В ней же говорится о том, что пленные голодают, имеют место большая заболеваемость и завшивленность, а группы немцев в городе занимаются грабежом, ломают на блиндажи целые жилые дома⁸.

Ряд служебных документов УНКВД (справок и сводок) уже в этот период был целиком посвящен понесенным от разбойничьих действий вермахта ущербу и жертвам среди гражданского населения. В справке о последствиях налета вражеской авиации в августе 1942 г., например, сообщалось, что во Владимир-

⁶ Архив Управления ФСБ (далее – УФСБ) по Волгоградской области. Ф. 68. Оп. 63. П. 9. Л. 187.

⁷ Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 68. Оп. 63. П. 11. Л. 113.

⁸ Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 68. Оп. 63. П. 11. Л. 13, 201.

ском районе разрушены аптека, роддом, баня и 12 жилых домов. Убито и ранено 44 мирных жителя⁹.

24 ноября 1942 г., с началом решительного наступления советских войск под Сталинградом, А.И. Воронин получил директиву руководства НКВД СССР об организации оперативно-чекистской работы в освобожденных от оккупации районах. Сотрудникам УНКВД предписывалось: «Следствием, опросами агенты и заявителей из местных жителей выявлять разведывательные, контрразведывательные, полицейские и административные фашистские органы, а также их агентов, участников белогвардейских организаций, карательных и ликвидационных отрядов, содержателей притонов и домов терпимости, организовать изъятие оставшихся немецких документов»¹⁰.

С этого момента, когда изобличение гитлеровских военных преступников и их пособников встало в ряд важнейших задач, установление злодеяний на оккупированной территории вступило в новую фазу. Ее характеризует, прежде всего, начало массового использования собранных материалов в уголовном преследовании пособников фашистов из советских граждан. Как правило, все мероприятия в данном направлении проводились параллельно с восстановлением советской власти в освобожденных от захватчиков районах области. Вместе с «летучими отрядами», восстанавливавшими партийные и советские органы, вслед за линией фронта двигались оперативные группы НКВД, с целью развертывания оперативной работы для выявления и ареста пособников фашистов. После проведения расследования в местном райотделе НКВД судьбы таких лиц решали военные трибуналы, причем в основу как обвинения, так и вынесения приговора, зачастую ложились именно акты о злодеяниях, оформленные представителями общественности.

Весьма характерным в этом отношении является уголовное дело по обвинению П.А. Коновалова – бывшего старосты села Жутово–1 Ворошиловского района¹¹. Коновалов был арестован с санкции прокурора Ворошиловского района оперуполномоченным райотдела НКВД 15 января 1943 г. Оставшись на оккупированной территории, он добровольно пошел на службу к немцам и был назначен ими старостой. Коновалов активно помогал немецким оккупантам в установлении фашистского режима на селе и в проводимых ими мероприятиях: отнимал у населения скот и продукты питания для немцев, восхвалял фашистский строй и распространял контрреволюционную клевету на советскую власть. Его главной виной было содействие гитлеровцам в выявлении и аресте евреев, уничтоженных затем в балке Каменной.

⁹ Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 68. Оп. 63. П. 11. Л. 171.

¹⁰ Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 68. Оп. 63. П. 9. Л. 7.

¹¹ Архив УФСБ по Волгоградской области. Уголовное дело № 18504.

Центральное место в материалах следствия заняли акты о пособничестве Коновалова оккупантам, составленные накануне председателем сельсовета и колхозниками. В них подробно перечислены все обиды и притеснения, причиненные им односельчанам за время оккупации: количество переданного немцам скота, присвоенного им колхозного имущества, фамилии выпоротых по указке старосты сельчан. Упоминалось и о выдаче фашистам евреев.

Эти же акты взял за основу при вынесении приговора и военный трибунал войск НКВД, рассмотревший дело Коновалова и приговоривший его к высшей мере наказания. Однако Коновалову удалось избежать расстрела, поскольку Военная коллегия Верховного Суда СССР, основываясь на тех же актах, не усмотрела в его действиях активного соучастия в уничтожении евреев¹².

2 ноября 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была образована Чрезвычайная государственная комиссия (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников, а также причиненного ими ущерба. Одной из ее задач явилось установление во всех случаях, где это представится возможным, личностей немецко-фашистских преступников, виновных в организации или совершении злодеяний на временно оккупированных советских территориях, с целью предания их суду. Однако, при имевших место масштабах работы, даже реализуя предоставленные ей чрезвычайные полномочия, она не смогла достичь поставленной цели – полного установления и расследования злодеяний гитлеровцев на территории СССР – и приобрела значение прежде всего координационного центра. Необходимость проведения всенародных мероприятий по изобличению гитлеровских военных преступников была очевидной¹³.

В связи с этим возникла проблема относительно структуры соответствующих органов в качестве мобилизующего их начала. Как известно, еще задолго до начала войны, функции правоохранительных органов в СССР были в значительной степени узурпированы партийной и исполнительной властью. Не только в центре, но и на местах, сформировались внесудебные органы для привлечения советских граждан к уголовной ответственности. Так называемые тройки включали руководителя управления НКВД СССР по республике (крае, области), секретаря обкома ВКП(б) и прокурора республики (края, области). Советское правительство избрало похожую формулу и в деле изобличения нацистских преступников.

Постановлением СНК СССР от 16 марта 1943 г. была представлена структура органов, призванных осуществить расследование на местах и оказать

¹² Архив УФСБ по Волгоградской области. Уголовное дело № 18504. Л.132.

¹³ См. подробнее: *Епифанов А.Е.* Организационные и правовые основы деятельности комиссий по установлению и расследованию гитлеровских злодеяний // LEGAL CONCEPT = Правовая парадигма. № 4. 2017. С. 22–29.

Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) необходимую помощь¹⁴. Основное бремя расследования было возложено на республиканские, краевые и областные комиссии содействия, образование которых предусматривалось в местах, освобожденных от оккупантов. Состав комиссий определялся следующим образом: председатель – 1-й секретарь ЦК ВКП(б) республики (крайкома, обкома), члены – председатель (или его заместитель) Совнаркома республики (краевого, областного исполкома), соответствующий начальник УНКВД, а также 1–2 члена из местных представителей.

В пределах своих регионов комиссии содействия имели статус, определенный для ЧГК. Их основными задачами стали объединение и согласование проводимой советскими государственными органами работы по учету военных преступлений и причиненного захватчиками ущерба, установление во всех случаях, где это представляется возможным, личностей нацистов, виновных в организации или совершении злодеяний на оккупированных советских территориях, с целью предания их суду. Для осуществления этих задач на комиссии были возложены сбор документальных данных о злодеяниях и их проверка, а также обработка указанных материалов и, по мере необходимости, их публикация.

Комиссии имели право поручать соответствующим органам производить расследование, опрашивать потерпевших, собирать свидетельские показания и иные документальные данные, относящиеся к насилиям, зверствам, грабежам, разрушениям и другим преступным действиям гитлеровцев и их пособников.

Сталинградская областная комиссия содействия была создана одной из первых, решением бюро Сталинградского обкома ВКП(б) от 21 марта 1943 г., и работала до марта 1945 г. В ее состав вошли партийные и советские руководители области, большинство из которых незадолго до того представляло городской комитет обороны: председатель Сталинградского облисполкома И.Ф. Зименков, начальник областного Управления НКВД А.И. Воронин, секретарь горкома ВКП(б) И.А. Пиксин и председатель Дзержинского райисполкома Т.С. Мурашкина. Возглавил комиссию содействия 1-й секретарь Сталинградского обкома партии А.С. Чуянов. Ответственным секретарем комиссии был утвержден заведующий особым сектором Сталинградского обкома ВКП(б) Ф.П. Мякинин¹⁵.

Установление и расследование злодеяний захватчиков расценивались как важнейший участок партийной и государственной работы, имеющий большое военно-политическое значение. Руководителям органов НКВД, партийных и

¹⁴ Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 6088. Оп. 1. Д. 2. Л. 139–141.

¹⁵ Центр документов новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО) Ф. 113. Оп. 14. Д. 4. Л. 231.

советских структур в этой связи надлежало немедленно заактировать все имеющиеся факты злодеяний и нанесенного захватчиками ущерба; привлечь к составлению актов представителей партийного и советского актива, хозяйственных, кооперативных, профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций¹⁶.

Сталинградская комиссия содействия начала свою работу не на пустом месте. 4 марта 1943 г. находившийся в Москве А.С. Чуянов направил А.И. Воронинову по телеграфу особое поручение. Участвуя в подготовке и обсуждении названных решений, он просил направить в ЦК ВКП(б) материалы, касающиеся зверств немецко-фашистских захватчиков над мирными гражданами и военнопленными в Сталинградской области. Все факты о злодеяниях гитлеровцев, в обязательном порядке, надлежало заактировать и направить нарочным в Москву, в приемную члена Государственного комитета обороны, главы Комитета по восстановлению освобожденных районов Г.М. Маленкова. 15–20 «основных и главных актов он попросил направить без промедления – по ВЧ, проявив при этом особый интерес к чудовищному злодеянию гитлеровцев в хуторе Алексеевский Городищенского района»¹⁷. Таким образом, начало официального расследования злодеяний фашистов в Сталинградской области было положено изобличением их в совершении одного из самых жутких преступлений не только на ее территории, но и вообще за время войны.

В подготовленной А.И. Ворониным справке отмечалось, что в хуторе Алексеевский оккупанты организовали лагерь военнопленных, в котором содержалось около 5 тыс. узников. В течение двух месяцев фашисты не выдали им ни грамма хлеба, принуждая к людоедству. Медицинская помощь в лагере отсутствовала. Израненных пленных пожирали черви, у них отгнивали руки и ноги, от голода трескались опухшие тела. Без всякого повода ежедневно фашисты расстреливали несколько десятков человек. Только на утренних осмотрах они убивали по 30–40 заключенных. За два месяца в лагере погибли 4 тыс. узников. По сообщению очевидцев, находившиеся в лагере раненый в бою танкист и студент Сталинградского педагогического института умерли после употребления человеческого мяса, а затем их тела съели другие пленные. Весь лагерь был завален трупами, у которых разрезаны животы и вынуты печень и сердце, а из голов – мозг. Лишив заключенных даже падали, фашисты заставили их есть убитых и умерших товарищей¹⁸.

Приняв во внимание указание А.С. Чуянова, руководство УНКВД предписало своим подразделениям, как в данном случае, так и впредь, обязательно до-

¹⁶ ГАВО. Ф. 6088. Оп. 1. Д. 3. Л. 74.

¹⁷ Архив УФСБ по Волгоградской обл. Ф. 68. Оп. 63. П. 9. Л. 187.

¹⁸ Архив УФСБ по Волгоградской обл. Ф. 68. Оп. 63. П. 9. Л. 24–25.

кументировать все установленные факты злодеяний актами, составленными представителями органов советской власти с участием свидетелей¹⁹.

Несмотря на очевидность злодеяний гитлеровцев, для их уголовного преследования требовалась определенная нормативная база. Поскольку до того времени советское правительство решало основные вопросы уголовной ответственности гитлеровцев лишь в декларативной форме, то разрешение насущных задач изобличения военных преступников было возможно только в результате местного нормотворчества. Руководителям местных органов не осталось ничего другого, как самим разработать детали не только процесса расследования, но и признаки квалификации злодеяний. Особенно наглядно это видно на примере Сталинградского УНКВД.

По окончании Сталинградской битвы А.И. Воронину поступил Приказ № 1466 заместителя Наркома внутренних дел Меркулова, послуживший сигналом к началу крупномасштабных операций по проведению полного учета злодеяний фашистских захватчиков. Во исполнение приказа был разработан план ключевых мероприятий, определивший силы и средства, привлекаемые Управлением для установления и расследования нацистских злодеяний. Его подготовил начальник контрразведки УНКВД П.С. Литман. План предусматривал: а) разработку приказаний начальникам всех подразделений УНКВД, транспортным органам и войскам НКВД о развертывании работы по сбору и документированию фактов злодеяний оккупантов через агентуру, путем допросов арестованных, заявителей, потерпевших, а также на основе изучения и обобщения имеющихся материалов о злодеяниях; б) разработку примерного перечня вопросов, по которому надлежало выявлять и документировать факты военных преступлений, а именно: насилия над женщинами, несовершеннолетними девочками, старухами; использования на тяжелых работах физического труда несовершеннолетних, стариков, больных и беременных женщин; использования детей, стариков и женщин во время боевых действий для прикрытия воинских подразделений; издевательств над военнопленными, заложниками, гражданами еврейской национальности. При выяснении вопросов, связанных с причинением гражданам физического и материального ущерба, требовалось указывать установочные данные пострадавших, последствия насилия для их здоровья, а также фамилии, приметы и другие данные о фашистских преступниках²⁰.

Рассмотренный перечень, по сути, содержал диспозиции различных составов военных преступлений и определял, какие нарушения порядка несения гитлеровцами службы и ведения военных действий являются злодеяниями в отношении советских людей и подлежат наказанию. Таким образом, П.С. Литман самостоятельно восполнил пробел в правовом регулировании уголовного пре-

¹⁹ Архив УФСБ по Волгоградской обл. Ф. 68. Оп. 68. П. 9. Л. 25.

²⁰ Архив УФСБ по Волгоградской обл. Ф. 68. Оп. 63. П. 9. Л. 166–169.

следования фашистских преступников, прибегнув к методу перечисления и придав своему перечню обратную силу.

В качестве одной из мер, план предусматривал проведение данной работы по линии милиции. В связи с этим 22 марта 1943 г. начальнику областной милиции Н.В. Бирюкову было направлено инструктивное указание: мобилизовать аппарат милиции в городе и освобожденных от оккупантов районах на выявление и документирование фактов разрушений, грабежей, расстрелов, издевательств, насилий и других зверств немецко-фашистских захватчиков; вменить в обязанность работникам, ведущим следствие, в процессе допросов обвиняемых и других лиц, которым могут быть известны факты злодеяний, документировать их отдельными протоколами допросов; проинструктировать агентуру на выявление еще не вскрытых актов зверств, а также лиц, которым они могут быть известны; выявленные военные преступления документировать актами и протоколами допросов; использовать все возможности для розыска и изъятия документов, фотоснимков и других материалов, подтверждающих зверства фашистов; просмотреть уже имеющиеся по этому вопросу материалы, проверяя их по мере необходимости, и немедленно направлять их в УНКВД²¹.

Органы НКВД явились, пожалуй, самой надежной и компетентной опорой Сталинградской областной комиссии содействия. Уже к моменту ее образования А.И. Воронин отдал приказ²², согласно которому начальникам райотделов НКВД надлежало оказывать местным партийным и советским органам всемерную помощь в выполнении возложенных на них комиссией содействия задач. Руководству местных подразделений НКВД было дано разрешение предоставлять проверяемые материалы соответствующим партийным и советским органам.

План, разработанный начальником контрразведки УНКВД, отводил сотрудничеству с областной комиссией первостепенное значение. Он предусматривал поддержание регулярной связи с комиссией содействия по вопросам установления и расследования злодеяний гитлеровцев; обеспечение своевременного выполнения заданий комиссии по проверке, уточнению и расследованию фактов злодеяний; выделение начальника одного из отделов контрразведки УНКВД для обобщения поступивших материалов и направления результатов в областную комиссию и НКВД СССР²³.

Начальник областного Управления НКВД и редактор газеты «Сталинградская правда» опубликовали обращение к населению области, в котором содержалась просьба сообщить комиссии содействия обо всех выявленных фактах насилий, расстрелов, угона советских граждан в германское рабство, о грабе-

²¹ Архив УФСБ по Волгоградской обл. Ф. 68. Оп. 63. П. 9. Л. 170.

²² Архив УФСБ по Волгоградской обл. Ф. 68. Оп. 63. П. 9. Л. 63–66.

²³ Архив УФСБ по Волгоградской обл. Оп. 63. П. 9. Л. 168.

жах, чинимых оккупантами. Материалы надлежало направлять в обком ВКП(б). Как было указано в обращении, заявления и прочие материалы по этому вопросу (приказы, распоряжения и объявления немецко-фашистских властей, сохранившиеся фотоснимки о зверствах) принимались также на местах – районными комитетами партии и советами депутатов трудящихся²⁴.

После изучения в областной комиссии, все поступившие материалы тщательно проверяли сотрудники НКВД. Начальник Сиротинского райотдела НКВД сообщил, например, в областную комиссию, что полученные от нее 32 акта о злодеяниях захватчиков в хуторах Акимовский и Трехостровской его сотрудниками трижды проверены²⁵. Основным средством доказывания, как и прежде, являлось активирование фактов злодеяний представителями общественности. Все прочие формы и направления расследования были, как правило, производными от него.

Органы НКВД, партийные и государственные органы области стремились усовершенствовать работу местных комиссий по установлению и расследованию зверств, преодолеть разноречивость в составлении актов, элементарную неграмотность и небрежность, превратить активирование в эффективный и авторитетный механизм не только пропагандистской борьбы, но и уголовного преследования гитлеровских военных преступников. 17 мая 1943 г. их деятельность в Сталинградской области была приведена в систему и подчинена единым правилам производства расследования. В этот день областная комиссия содействия получила и приняла к руководству инструкции ЧГК о порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников²⁶.

Инструкции не вносили существенных изменений в практику установления и расследования злодеяний и касались, в основном, установления единообразия при составлении актов. Порядок предусматривал установление фактов злодеяний на основании заявлений граждан, опросов потерпевших и свидетелей, врачебной экспертизы, а также осмотров мест совершения зверств. Указание выявленных военных преступников при этом было обязательным. Данные о них требовалось дифференцировать по всем видам соучастия (организаторы, подстрекатели, исполнители и их пособники), а также назвать имена, наименования воинских частей, учреждений или организаций оккупационных властей, к которым установленные лица принадлежали.

Акты по возможности должны были содержать точное описание зверств, включая время, место и способ совершения. Инструкции требовали, чтобы к актам прилагались все относящиеся к делу документы: заявления, протоколы опросов, заключения медицинских экспертов, фотоснимки, письма советских

²⁴ ГАВО. Ф. 6088. Оп. 1. Д. 3. Л. 51.

²⁵ ГАВО. Ф. 6088. Оп. 1. Д. 3. Л. 55.

²⁶ ГАВО. Ф. 6088. Оп. 1. Д. 4. Л. 25–26.

людей из германской неволи, обнаруженные приказы и распоряжения военного командования и администрации гитлеровцев. Вместе с инструкциями ЧГК предоставила на места формы актов, сводных ведомостей, протоколов опросов и опросных листов, разработанные специально для установления и расследования зверств оккупантов и их пособников.

С получением инструкций областной комиссии содействия пришлось заново приступить к учету ущерба и злодеяний, так как единые требования к оформлению актов обусловили необходимость в унификации огромного количества накопленных материалов, отличавшихся исключительным разнообразием. В связи с этим А.С. Чуянов даже обратился в Чрезвычайную государственную комиссию и Прокуратуру СССР с просьбой вернуть оттуда материалы о зверствах фашистов для дополнительной разработки²⁷.

Поскольку региональным комиссиям по установлению и расследованию злодеяний нацистов вменялась в обязанность систематизация поступивших материалов (путем составления особых актов-списков и сводных ведомостей), то активирование приобрело сравнительно четкую структуру. Первичные акты местных комиссий служили основой для составления актов и обобщающих документов вышестоящими комиссиями, вплоть до областной. Например, 10 сентября 1943 г. областная комиссия содействия на основе актов, предоставленных сельскими комиссиями, оформила акт о грабежах и изнасилованиях, совершенных оккупантами в Городищенском районе²⁸.

Лишенная практически всех условностей, свойственных действовавшим в то время уголовно-процессуальным нормам, максимально упрощенная схема изобличения фашистов была призвана обеспечить установление и расследование злодеяний в предельно сжатые сроки людьми, не обладавшими профессиональными навыками расследования. Чтобы по возможности восполнить и этот пробел, областная комиссия направила в освобожденные районы в качестве своих уполномоченных «специалистов по учету злодеяний, совершенных немецко-фашистскими войсками» из числа работников областной прокуратуры²⁹. Их наделили полномочиями по мобилизации всех райкомов партии, исполкомов, органов прокуратуры, милиции и судов на оформление актов о злодеяниях захватчиков. Теперь уже акты включали не просто описание чудовищных злодеяний фашистов, но и улики против них, приобретая тем самым важнейшее доказательственное значение.

Обращает на себя внимание еще один нюанс, свойственный первому поколению актов о злодеяниях захватчиков. Естественно, что во время их хозяйничанья, и даже в момент изгнания, мало кому из советских граждан приходило в

²⁷ ГАВО. Ф. 6088. Оп. 1. Д. 363. Л. 28.

²⁸ ГАВО. Ф. 6088. Оп. 1. Д. 2. Л. 27.

²⁹ Архив УФСБ по Волгоградской обл. Ф. 68. Оп. 63. П. 9. Л. 43.

голову выяснять личности или запоминать приметы фашистских изуверов. Теперь же, когда позиция советского правительства изменилась, по прошествии значительного времени, оказалось чрезвычайно трудно выделить из безликой массы гитлеровцев, находившихся как по одну, так и по другую сторону линии фронта, подлинных виновников и исполнителей неслыханных злодеяний. В условиях жесткой установки выявлять офицеров и солдат гитлеровской армии, повинных в военных преступлениях, участникам активирования оставалось только оправдываться в отведенных для этого формами актов местах, ибо в момент расследования установить указанных лиц не представлялось возможным. В лучшем случае акты содержали данные о роде войск, зверствовавших в том или ином месте (мотопехота, танкисты, минометчики и т. д.).

Ряд актов в качестве виновников отмечал целые соединения, части вермахта или их командование. Так, 13 июля 1943 г. комиссия Ерманского района Сталинграда обвинила в издевательствах над мирными гражданами, скрывавшимися в подвале Облпотребсоюза, 193-й пехотный полк гитлеровцев³⁰. 7 августа 1943 г. колхозная комиссия села Каменка Ворошиловского района на основе заявлений колхозников и осмотра места преступления установила факт уничтожения в «душегубке» 164 евреев, признав ответственными за это командование 243-го танкового и 601-го минометного полков, а также командование 6-й армии немцев, дислоцировавшихся в захваченной Каменке³¹.

Как показало дальнейшее развитие событий, судьям военного трибунала для вынесения обвинительного приговора подсудимому оказалось вполне достаточно констатировать его принадлежность к карательным частям вермахта, а также наличие фактов злодеяний «на счету» его подразделения. При этом зачастую выпадало такое важное звено, как причинная связь между действиями самого обвиняемого и злодеяниями, ответственность за которые возлагалась указанным выше способом на воинскую часть, которой он руководил или в которой служил³².

В условиях, когда при расследовании злодеяний неизменно выпячивалось такое их качество, как принадлежность к единой системе геноцида в отношении советского народа, заранее спланированной и неуклонно проводимой правящей гитлеровской кликой и ее военным командованием, указанная позиция участников расследования представляется оправданной. Однако противоположная сторона выдвигала свои аргументы. К примеру, генерал Э.Г. Йенеке – одна из

³⁰ Зверства немецких захватчиков в районах Сталинградской области, подвергшихся оккупации: документы. Сталинград: Областное книгоиздательство, типография газеты «Колхозник Дона», 1945. С. 78.

³¹ Зверства немецких захватчиков ... Сталинград, 1945. С. 33.

³² Епифанов А.Е. Преследование военных преступников среди военнопленных вермахта в СССР (историко-правовой аспект) // Право и практика. 2017. № 4. С. 6–16.

крупнейших фигур командования гитлеровской группировки, находившейся в Сталинграде, защищаясь уже после войны в заседании советского военного трибунала в качестве обвиняемого военного преступника, заявил, со ссылкой на условия войны и неизбежность «некоторых жертв», что в числе 300 тыс. войск могут оказаться «отдельные преступники»: «Командующего армией смешно обвинять в этом, как было бы смешно обвинять Севастопольский горсовет в преступлениях, совершаемых жителями города»³³.

Другой характерной особенностью активирования злодеяний данного периода является то, что сотрудники «компетентных органов», вовлеченные в расследование, прекратили афишировать свое участие в нем. Работники органов государственной безопасности, внутренних дел, прокуратуры, скромно упомянутые последними в списках комиссий по установлению и расследованию злодеяний, теперь уже ничем не выдавали своей ведомственной принадлежности.

Эти и другие перемены во многом были обусловлены прибытием в Сталинград члена ЧГК, академика И.П. Трайнина – известного теоретика уголовного преследования гитлеровцев за совершенные ими злодеяния. Он прочитал доклад партийному и советскому активу области, а затем, совместно с начальником УНКВД А.И. Ворониным, организовал заседание областной комиссии содействия, на котором о проделанной работе по установлению злодеяний захватчиков отчитались руководители областных органов госбезопасности, милиции и прокуратуры. На нем, 2 июля 1943 г., И.П. Трайнин дал исчерпывающий инструктаж по вопросам сбора материалов о зверствах оккупантов в области³⁴.

И.П. Трайнин отводил Сталинграду исключительную роль в деле изобличения гитлеровцев. По его мнению, этот город приобрел особое значение, так как после событий, повлекших коренной перелом в Великой Отечественной войне, к нему было приковано внимание всего мира. И если «Правда» в те дни связывала слово «Сталинград» в сознании всего мира с торжеством исторической справедливости, то И.П. Трайнин добивался, чтобы Сталинград знаменовал собой установление юридической справедливости в отношении нацистских военных преступников. В ходе своего выступления он призвал к тому, чтобы Сталинград восстановил доказательства гитлеровских зверств, которые могли бы быть представлены не только в советский трибунал, но и в международный, где «будут сидеть юристы и будут соблюдаться формальности»³⁵.

Особо И.П. Трайнин предостерегал от ведомственного подхода к установлению и расследованию военных преступлений. Деликатно указав на то обстоя-

³³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 7021. Оп. 116. Д. 382. Л. 7.

³⁴ Архив УФСБ по Волгоградской обл. Ф. 68. Оп. 63. П. 9. Л. 67–73.

³⁵ Архив УФСБ по Волгоградской обл. Ф. 68. Оп. 63. П. 9. Л. 68.

тельство, что собравшиеся перед ним руководители, которым поручена организация установления и расследования злодеяний гитлеровцев, причастны к производству по «вредительским делам», т.е. к репрессиям «врагов народа», И.П. Трайнин просил их «не юридизировать» дело изобличения нацистских преступников. Это было необходимо для того, чтобы избежать суждений иностранных юристов о том, что гитлеровские зверства «формально изобразили» люди, каравшие собственных, ни в чем не повинных соотечественников. Вот почему он предложил избегать при составлении актов тех формальностей и выражений, которые свойственны служебным уголовно-процессуальным документам. В частности, рекомендовал отказаться от предупреждения свидетелей злодеяний об уголовной ответственности за дачу ложных показаний и за отказ от дачи показаний, так как международная юрисдикция может отнестись настроенно к подобного рода документам.

Приводя в пример акты, составленные работниками милиции и прокуратуры с указанием ведомств, к которым они принадлежали, И.П. Трайнин советовал впредь предупреждать их появление: «Народ сам выступает, а вы организуйте, вы должны ему помочь»³⁶. Подобная щепетильность при составлении обвинительного материала была вполне обоснована, ведь, несмотря на выразившееся стремление стран антигитлеровской коалиции к наказанию военных преступников, определенные правительственные круги за рубежом использовали любой повод, чтобы отложить принятие кардинальных решений. Любые сомнения в достоверности сведений о бесчинствах фашистов в Советском Союзе могли существенно повлиять на неотвратимость их уголовного наказания в международном масштабе.

В целом же выступление И.П. Трайнина, как и его деятельность в Сталинграде, были проникнуты заботой о подготовке международного суда над нацистскими преступниками. Выдвинутые им задачи были продиктованы прежде всего заявлением Советского правительства от 14 октября 1942 г. «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их пособников за злодеяния, совершенные ими в оккупированных странах Европы», в котором содержалось требование об организации международного суда над преступными руководителями нацистского режима.

Разумеется, для судебного разбирательства такого масштаба необходимо было отобрать самые существенные, самые яркие документы, за которыми и прибыл в Сталинград И.П. Трайнин. В то же время следует признать, что подобная позиция не могла не иметь неблагоприятных последствий для хода расследования, поскольку многие его участники в погоне за сенсационными фактами оставляли без внимания множество военных преступлений, совершенных рядовыми гитлеровцами на территории области. Для того, чтобы пресечь такое

³⁶ Архив УФСБ по Волгоградской обл. Ф. 68. Оп. 63. П. 9. Л. 70.

развитие событий, Сталинградская областная комиссия содействия указала на недопустимость проведения поверхностного учета и расследования, «по общеизвестным и главным образом крупным фактам», оставляя неучтенной основную массу злодеяний, и потребовала получить «полную картину зверства немецких оккупантов»³⁷.

Выяснение фашистской государственной политики на временно оккупированных территориях по-прежнему занимало центральное место в расследовании. Наиболее красноречивые материалы о ней были получены в результате деятельности комиссии Дзержинского района Сталинграда, личное участие в работе которой принял И.П. Трайнин. В данном случае он не только наглядно продемонстрировал, как именно необходимо изобличать гитлеровских военных преступников, но и создал основной фон, на котором происходила вся последующая борьба с виновниками и исполнителями злодеяний в области.

Работа комиссии в составе И.П. Трайнина, председателя Дзержинского райисполкома Т.С. Мурашкиной, профессора В.Г. Ильинского, врача Н.Г. Тушнова и работницы столовой облисполкома М.И. Даниловой, предполагавшая установление и расследование злодеяний гитлеровской военной комендатуры в Сталинграде, завершилась 2 июля 1943 г. Составленный ею акт в своей основе имел материалы об обнаружении на кладбище 516 трупов советских граждан, замученных в германской военной комендатуре. Среди них было 50 детей в возрасте от трех до двенадцати лет.

Комиссия тесно сотрудничала с органами госбезопасности, которые провели большую работу по исследованию трофейных документов, приказов и распоряжений гитлеровской военной администрации во главе с комендантом Сталинграда генералом Леннингом. Сотрудники УНКВД допросили большую группу плененных работников комендатуры и армейской разведки.

Осмотр трупов, произведенный представителями общественности 25 марта 1943 г., показал, что гитлеровцы зверски истязали советских людей. У 139 жертв – женщин и девочек – руки были заломлены назад и связаны проволокой, причем у 18 из них вырезаны груди, у многих отрезаны уши, отрублены пальцы рук и ног. Даже трупы детей были изуродованы: отрезаны пальцы, порезаны ягодицы, выколоты глаза. На большинстве трупов обнаружены следы ожогов. 141 труп имел следы огнестрельных ран в голову и грудь, 92 – странгуляционные полосы на шее, что свидетельствовало о повешении. На трупах многих мужчин выжжены каленым железом или вырезаны ножом пятиконечные звезды. Первоначально виновник установленных злодеяний был конкретизирован в лице германской военной комендатуры. В качестве доказательств служили две вывески, прибитые гитлеровцами на улицах города: «Кто здесь пройдет,

³⁷ ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 4. Л. 22–23.

тому смерть», «Русским проход запрещен, за нарушение – расстрел»³⁸. Следователи НКВД не только назвали имена конкретных виновников, но и раскрыли картину той участи, которую фашисты уготовили жителям Сталинграда.

Бывший сотрудник германской военной комендатуры майор Шпайдель на вопрос о том, в чем заключалась политика германского военного командования и его администрации в отношении гражданского населения, в ходе допроса сообщил, что в Сталинграде, как и вообще на оккупированной территории СССР, она состояла в том, чтобы изъять советский и партийный актив, евреев, вывезти их за город и передать гестапо для расстрела. Предполагалось также «обезвредить» всех, кто недоволен вторжением германских войск. Оставшееся население планировали зарегистрировать и выявить таким путем специалистов для использования при восстановлении предприятий, которые необходимы в целях обеспечения жизнедеятельности германской армии, а остальное население отправить на работы в Германию³⁹.

Поскольку гитлеровцев признала часть казачьего населения области (Шпайдель подтвердил стремление фашистских спецслужб любой ценой привлечь на свою сторону казаков), что выразилось, например, в формировании казачьих отрядов, выступивших затем на стороне вермахта, то областная комиссия придавала исключительное значение получению достоверной информации о режиме при гитлеровской оккупации, о фактах массовых насилий, прежде всего в отношении казаков.

Надо отметить, что положение населения в оккупированных районах не всегда соответствовало официальной версии. Например, инструктор Сталинградского обкома ВКП (б) Растеряев сообщил из Ворошиловского района: «Как это ни печально, а необходимо признать, что очень многие из сельских жителей, если не большинство, не совсем довольны приходом Красной Армии. Объясняется это тем, что они основательно устроили свои единоличные хозяйства и упорно стараются держаться этого, а не колхозного порядка. К тому же немецко-румынские захватчики раздали немало колхозного имущества, а некоторые сами тащили все, что могли унести или увезти и расставаться с ним жителям очень не хочется»⁴⁰.

Особой сложностью отличалось расследование такого вида гитлеровских злодеяний, как угон мирных граждан в германское рабство, поскольку гитлеровцы изображали отъезд советских людей на работы в Германию как добровольный. 14 сентября 1942 г. гитлеровское военное командование издало приказ о регистрации сталинградцев в возрасте от четырнадцати до пятидесяти лет для вывоза их в Германию. Не добившись добровольного согласия, оккупанты

³⁸ Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 68. Оп. 63. П. 9. Л. 79–83.

³⁹ Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 68. Оп. 63. П. 9. Л. 85–89.

⁴⁰ Архив музея «Панорама Сталинградской битвы». П. 488. Инв. № 637. Л. 55.

стали насильно угонять советских граждан в неволю. Немецкие коменданты вывешивали на улицах приказы о расстреле лиц, не прошедших регистрацию.

Колонны жителей Сталинградской области потянулись под конвоем в германское рабство. Дети, больные, старики тысячами умирали по дороге на Белую Калитву, где располагались пересыльные лагеря для невольников. Дорогой фашисты отбирали у беззащитных людей все ценное, а сопротивлявшихся убивали. К началу октября 1942 г. гитлеровцы согнали из оккупированных районов Сталинградской области в Белую Калитву около 10 тыс. советских граждан, разместив их в конюшнях и птичниках совхоза. Многие из них замерзли под открытым небом.

Учет виновных в указанных злодеяниях производился по поручению ЧГК в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. и нотой Наркомата иностранных дел СССР от 11 мая 1943 г. «О массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступных германских властей и частных лиц, эксплуатирующих подневольный труд советских граждан в Германии»⁴¹.

Как и прежде, советское правительство возлагало ответственность за эти преступления прежде всего на гитлеровскую клику и ее военное командование. Однако теперь ответственность с ними разделяли также гитлеровские чиновники, ведавшие набором, уводом, перевозкой, содержанием в лагерях, продажей в рабство и бесчеловечной эксплуатацией советских граждан. Одновременно нота указывала, что советское правительство возлагает полную ответственность и на тех частных лиц в Германии, которые бесчеловечно эксплуатируют на своих предприятиях или в домашнем хозяйстве поработанных граждан Советского Союза.

Приступив к расследованию, Сталинградская областная комиссия прежде всего обязала органы НКВД, партийные и советские органы области произвести опрос граждан, возвратившихся из фашистской неволи. На места были направлены специальные бланки опросных листов. Райкомам партии и райисполкомам (а также сельсоветам) предписывалось проводить опросы репатриированных граждан с обязательным привлечением следственных органов и общественных организаций. Заполненные опросные листы считались действительными только после заверения их в райисполкоме. Они подлежали немедленному направлению в областную комиссию.

По возможности от репатриированных советских граждан принимали лично ими написанные заявления, содержащие описание жизни и издевательств в германском рабстве. Опросу подлежали все граждане, возвратившиеся из неволи, включая тех, кто ранее не проживал в Сталинградской области. Лишь бывшие советские военнопленные репатриированными не признавались и опросу

⁴¹ Правда. 1943. 12 мая.

не подлежали. Учтя прежние ошибки, Сталинградская областная комиссия требовала оформлять материалы опроса строго по установленной форме.

Увод мирных советских граждан в рабство, как правило, сопровождался совершением фашистами иных злодеяний. Стремясь охватить всю их совокупность, участники расследования облекли его в форму анкетирования. Опросный лист включал следующий перечень обстоятельств: когда и откуда опрашиваемый был угнан в неволю; кто из немцев (венгров, румын и др.) руководил угонном, кто оказывал им помощь; куда угнанный был направлен работать; краткое изложение условий и обстоятельств, имевших место в пути на фашистскую каторгу; как происходило на месте направление на работу (купля-продажа, направление под конвоем, заключение в концлагерь и т.д.); сведения о месте работы в Германии, включая приметы хозяина предприятия; краткое описание условий работы и жизни в неволе (характер работы, число часов рабочего времени, оплата, снабжение предметами первой необходимости и т. д.); краткое описание фактов насилий, издевательств, истязаний, побоев и других преступных действий владельца предприятия и его служащих; перечень лиц администрации предприятия, полицейских и других лиц, виновных в эксплуатации и истязании советских граждан. Требовались также данные о членах их семей и об отношении их к угнанным советским гражданам. В графе «Особые замечания» репатриированные сетовали, как правило, на ограбление их хозяевами. Но встречались также и бесхитростные записи о том, что по мере приближения Красной Армии отношение германских хозяев менялось, и они становились гораздо более покладистыми⁴².

Непосредственно опросами занимались уполномоченные областной комиссии содействия, руководители партийных и советских органов, а также участковые уполномоченные райотделов НКВД. Попутно сотрудники органов внутренних дел и государственной безопасности выясняли, соответствуют ли действительности заявления об угоне в Германию. Подлежал выяснению и род занятий репатриированного до того, как он оказался в Германии. Именно так выявляли предателей Родины и пособников фашистов, бежавших с ними, а затем возвратившихся в Советский Союз.

По вопиющим фактам издевательств, сопутствовавших угону, райотделы НКВД производили необходимые следственные действия. Они включали, как правило, допрос двух–трех свидетелей – очевидцев угона. Их показаниями устанавливались: дата угона, его способ и организаторы.

Все выявленные факты порабощения советских граждан подлежали активированию комиссиями из местных жителей, которое также имело свои особенности. В состав комиссий должно было входить не менее пяти человек. К оформленным ими актам требовалось прилагать поименные списки угнанных (по специальной форме). В охвате опросом всех репатриированных областная ко-

⁴² ГАВО. Ф. 6088. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

миссия опиралась на данные отдела облисполкома по хозяйству эвакуированного населения и органов милиции о регистрации граждан, возвратившихся из неволи.

К июлю 1943 г. большинство актов о злодеяниях гитлеровцев было сосредоточено в сельсоветах, райисполкомах и райкомах ВКП(б), что вполне соответствовало стратегии и тактике «всенародного расследования», разработанным областной комиссией содействия. Однако чрезмерное увлечение фактором участия общественности в борьбе с гитлеровскими военными преступниками не способствовало достижению положительного эффекта. Напротив, Сталинградской комиссии содействия пришлось признать, что работа по установлению и расследованию злодеяний проводится неполно и не раскрывает, как того требуется, «полной картины зверства немецких оккупантов»⁴³.

Злодеяния захватчиков представляли собой не просто правонарушения или преступления отдельных солдат и офицеров вермахта, а определенную систему, заранее предусмотренную и планомерно реализуемую нацистской кликой и ее военным командованием. На первый план расследования все более выдвигалась задача не только констатировать каждый факт, но и использовать его в уголовном преследовании гитлеровцев. Требовался орган, способный не только согласовать проводимую работу, но и обеспечить подготовку обличительного материала, пригодного для судебного разбирательства любого уровня, вплоть до грядущего международного суда над гитлеровскими военными преступниками. Сталинградская областная комиссия содействия, осуществлявшая общее руководство, естественно, не могла решить столь сложную, сугубо юридическую задачу.

В связи с тем, что при существовавшей организации расследования квалифицированная помощь прокурорско-следственных работников была весьма затруднена, 2 июля 1943 г. областная комиссия приняла решение создать для руководства расследованием фашистских зверств специальную оперативную группу во главе с А.И. Ворониным, возглавлявшим обособившееся к тому времени областное Управление Народного комиссариата государственной безопасности. В оперативную группу вошли прокурор Сталинградской области С.В. Бекедов, председатель областного суда Н.П. Корольков, уполномоченный Наркомата юстиции СССР по Сталинградской области С.З. Левин, начальник контрразведки УНКВД П.С. Литман, начальник отдела УНКГБ М.В. Будников и начальник областного Управления милиции Н.В. Бирюков⁴⁴.

Ответственность за проведение всех работ по установлению и расследованию злодеяний фашистов в области была целиком возложена на эту группу. А.И. Воронин разработал для нее план организационных мероприятий, который утвердил председатель областной комиссии содействия А.С. Чуянов. По суще-

⁴³ ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 4. Л. 22.

⁴⁴ Архив УФСБ по Волгоградской обл. Ф. 68. Оп. 63. П. 9. Л. 63.

ству, данный план предусматривал мобилизацию сотрудников всех правоохранительных органов области на изобличение гитлеровских военных преступников⁴⁵. При его разработке были взяты за основу задачи, поставленные перед оперативной группой областной комиссией содействия. По ее решению в оперативную группу передали материалы о злодеяниях из всех органов, до сих пор занимавшихся расследованием, без исключения.

Районные комитеты ВКП(б), райисполкомы, руководители предприятий и учреждений, органов прокуратуры и милиции, народные суды были обязаны немедленно предоставить А.И. Воронину имевшиеся у них материалы и вещественные доказательства, свидетельствующие о злодеяниях захватчиков. Для сбора материалов, их рассмотрения и решения вопросов по каждому факту о целесообразности специального расследования в оперативную группу вошли старший следователь УНКГБ В.А. Пантелеев, член областного суда П.Л. Миронова, прокурор «по спецделам» Н.Н. Верейн и старший ревизор Управления НКЮ Г.И. Цалкина⁴⁶.

Члены оперативной группы работали, прежде всего, по территориальному принципу. Каждому персонально были поручены один из районов Сталинграда и по несколько районов области. Однако имела место и специализация по организации работы с военнопленными и репатрированными. Этим занимались приданные группе следственные работники. В соответствии с планом, непосредственно в работу оперативной группы были включены пять следователей прокуратуры, три следователя НКВД и два следователя НКГБ. Для проведения расследования выявленных фактов злодеяний гитлеровцев в районах к каждому члену группы прикрепили по два следователя. В распоряжение Н.В. Бирюкова, например, поступили следователь прокуратуры К.И. Забруднова и следователь НКВД В.В. Решетов⁴⁷.

Кроме того, все руководители областных правоохранительных органов, включенные в оперативную группу, были обязаны в трехдневный срок дать указания (нарочным) на места о привлечении к установлению и расследованию гитлеровских зверств всех следователей районных прокуратур, районных прокуроров, народных судей, начальников райотделов НКВД и НКГБ. Члены оперативной группы могли поручить приданным им следователям организовать работу по установлению и расследованию злодеяний на местах; оказывать практическую помощь в выявлении и расследовании конкретных фактов злодеяний и установлении виновных в их совершении; оформлять и своевременно направлять все материалы о злодеяниях в оперативную группу.

В свою очередь, областная комиссия содействия специальным постановлением обязала райисполкомы, райкомы партии и, прежде всего, областную про-

⁴⁵ Архив УФСБ по Волгоградской обл. Ф. 68. Оп. 63. П. 9. Л. 54–65.

⁴⁶ Архив УФСБ по Волгоградской обл. Ф. 68. Оп. 63. П. 9. Л. 64.

⁴⁷ Архив УФСБ по Волгоградской обл. Оп. 63. П. 9. Л. 65.

куратуру, суды и милицию, немедленно расследовать все факты злодеяний, о которых сообщило население⁴⁸. Это означало, что областная комиссия содействия, по-прежнему, в качестве главной движущей силы расследования рассматривала партийные и советские органы, создающие комиссии для тщательного расследования всех зверств фашистов. Однако с этого момента привлечение следственных органов к расследованию стало обязательным в каждом отдельном случае.

Оперативная группа выполнила свою задачу в двухнедельный срок, отведенный ей комиссией содействия: обработала и восстановила в соответствии с едиными требованиями имеющиеся 157 актов о злодеяниях, придав им необходимую доказательственную силу, а также возглавила расследование злодеяний на его заключительном этапе, когда собранный обличительный материал надо было превратить в официальный обвинительный акт от имени трудящихся Сталинградской области.

Выводы

Собранные при рассмотренных обстоятельствах обличительные материалы в конце 1943 г. воплотились в проект постановления Чрезвычайной государственной комиссии «О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и причиненном ими ущербе в Сталинграде и оккупированных районах Сталинградской области»⁴⁹. Помимо него, итогом расследования явился доклад председателя Сталинградской областной комиссии содействия А.С. Чуянова на заседании ЧГК⁵⁰, посвященном результатам ее деятельности, которое состоялось 11 марта 1945 года. В указанных документах сообщалось, что в Сталинграде и области гитлеровцы истребили 38 554 мирных жителей и 6 074 военнопленных, в том числе расстреляли 1 744, повесили 108 человек. Насилиям и пыткам подверглись 1 598 граждан. В результате артобстрелов и бомбардировок, осуществленных гитлеровскими войсками, погибло еще 42 797 сталинградцев и жителей области.

Значение расследования, проведенного под руководством Сталинградской областной комиссии содействия, заключается прежде всего в том, что были установлены жертвы разбойничьих действий немецко-фашистских захватчиков и причиненный материальный ущерб на оккупированной территории области. Однако список из 77 военных преступников во главе с генерал-фельдмаршалом Ф. Паулюсом, направленный в Чрезвычайную государственную комиссию⁵¹, явно не соответствовал масштабам злодеяний, совершенных гитлеровцами в области.

⁴⁸ ЦДНВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 4. Л. 9–21.

⁴⁹ ГАВО. Ф. 6088. Оп. 1. Д. 12. Л. 89.

⁵⁰ ЦДНВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 4. Л. 19–20.

⁵¹ ГАВО. Ф. 6088. Оп. 1. Д. 20. Л. 321–325.

Introduction

The problems associated with the responsibility of the Nazis and their accomplices for the war crimes are extremely diverse. The extensive and multifaceted literature published over the years since the Great Patriotic War and to the present time is devoted to these. The approaches to solve these problems depended on the ideological and political positions of the authors, changed considering the transformations of the dominant ideology, the nature of the materials used as a source, as well as the natural evolution of views for each person. They were not free from the unfavorable policy environment.

The most numerous in this area are the works of the scientists studying the Great Patriotic War and the first post-war years. These include, first of all, the works of A.F. Volchkov, V.B. Glebov, M.N. Gernet, V.N. Durdenevskii, V.I. Kurlandskii, D.B. Levin, A.A. Piontkovskii, N.N. Polyanskii, M.Yu. Raginskii, P.S. Romashkin, A.N. Trainin and B.S. Utevskaia.¹ These authors have made a great contribution to the case of exposing the Nazi invaders in committing the mass atrocities in the temporarily occupied territory of the USSR, the legal justification for their criminal prosecution, the organization of the International Military Tribunal for this purpose.

In the subsequent years, the Soviet scientists did not stop their research on the problems associated with the atrocities of the Nazi invaders and their accomplices in

¹ A.F. Volchkov, *Aggression as an international crime: based on the Nuremberg Trials* (PhD thesis. Moscow, 1950); B. Glebov, "War criminals before a Soviet court", *Soviet State and Law*. No. 3–4 (1946): 51–60; M.N. Gernet, *The Crimes of the Nazis against Humanity* (Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo Ministerstva yustitsii SSSR, 1946); V.N. Durdenevskii, "On the way to international criminal justice", *Foreign Trade of Narkomvneshorg of the USSR*. Issue 1 (Moscow: Institut mezhdunarodnykh otnoshenii, 1945), 174–88; V.I. Kurlandskii, "On the criminal responsibility of the perpetrators of violations and laws of war", *Proceedings of the Military Law Academy*, Issue 11 (1950), 139–74; D.B. Levin, "On the criminal liability of prisoners of war", *Questions of the Criminal Law*. Collection 1 (Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo Narodnogo Komissariata Yustitsii SSSR, 1944), 85–94; N.N. Polyanskii, *International Justice and War Criminals* (Moscow: AN SSSR, 1945); A.A. Piontkovskii, *Questions of Substantive Criminal Law at the Nuremberg Trials* (Moscow: AN SSSR, 1948); M.Yu. Raginskii, *The main procedural issues of the organization and activities of the international military tribunals in Nuremberg and Tokyo* (PhD thesis. Moscow: Vsesoyuznyi institut yuridicheskikh nauk Ministerstva Yustitsii SSSR, 1950); P.S. Romashkin, *War Crimes of Imperialism* (Moscow: Gosyurizdat, 1953); A.N. Trainin, "Inhuman humanism", *War and Working class*, no. 9 (1944): 16–18; A.N. Trainin, *The Criminal Responsibility of the Nazis* (Moscow: Yurizdat, 1944); B.S. Utevskaia, *The Trials of the Atrocities of the German Fascist Invaders in the USSR* (Moscow: Yurizdat, 1946).

the USSR. Widely known in this regard are the works by G.N. Aleksandrov, N.S. Alekseev, B.T. Antonenko, V.G. Ivanov, D.S. Karev, V.N. Kudryavtsev, S.T. Kuz'min, N.S. Lebedeva, E.P. Meleshko, V.K. Molchanov, A.I. Poltorak, V.V. Ryasnoi, L.N. Smirnov and Yu.M. Sernyavskii and others.²

The analysis of the publications by these authors shows that the problem of responsibility for the war crimes committed by the Nazi invaders and their accomplices on the territory of the USSR was studied mainly only in general historical or international legal terms. The external manifestations of the Nazi atrocities, that is, the consequences they entailed for the Soviet state and its people, were mainly covered. The national legal proceedings against Hitler's war criminals and their accomplices were considered only within certain open demonstration processes, and the actions of the defendants were also mainly discussed in the works devoted to these. The research carried out in the USSR bears the stamp of some tendentiousness, they are not critical enough, which, however, does not diminish their scientific significance.

The works published in the post-Soviet period deserve separate consideration. Their characteristic features are a critical approach to the problem of responsibility of the war criminals and their accomplices, the argumentation of their conclusions and provisions based on the objective materials from the available archival sources. Some attention is paid to the criminal responsibility of the Nazi criminals, the organization and the activities of the relevant bodies of the Soviet state in the recent studies, including dissertations on the organization and conduct of the open trials of the Nazi war criminals and their accomplices, the history and legal status of the prisoners of war of the Wehrmacht and their collaborators in the USSR; human losses and material damage caused by the Hitlerite invaders of the USSR during the war years; the fate of some odious personalities, such as, for example, the German General Seydlitz, convicted in the USSR on charges of war crimes, as well as relevant general historical and political aspects of the problem.

² G.N. Aleksandrov, "Nazi crimes cannot be forgotten", *Soviet State and Law*, vol. 2 (1968): 117–18; N.S. Alekseev, *Atrocities and Retribution. Crimes against Humanity* (Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1986); N.S. Alekseev, *The Responsibility of the Nazi Criminals* (Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1968); B.T. Antonenko, *The Criminal Wearing a Swastika* (Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1981); V.G. Ivanov, *Nazi War Criminals and their Patrons* (Moscow: Znanie, 1985); D.S. Karev, *Nuremberg Trials* (Moscow: Znanie, 1976); V.N. Kudryavtsev, *Law, Deed, Responsibility* (Moscow: Nauka, 1986); S.T. Kuz'min, *No Statute of Limitations* (Moscow: Politizdat, 1985); N.S. Lebedeva, *Preparation of the Nuremberg Trials* (Moscow: Nauka, 1975); E.P. Meleshko, "On the history of the issue of liability for violations of the laws and customs of war", *Soviet Yearly Periodical of International Law* (Moscow: AN SSSR, 1960–1961), 220–52; V.K. Molchanov, *Retribution must be made: the Nazi war criminals and their patrons* (Moscow: Politizdat, 1984); A.I. Poltorak, *Nuremberg Trials (Basic legal problems)* (Moscow: Nauka, 1966); V.V. Ryasnoi and Yu.M. Chernyavsky, *In the Service of the Devil* (Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1969); L. Smirnov, "Criminals against the world and humanity should not escape justice", *Socialist Legality*, no. 1 (1969): 11–16.

Nowadays, the most notable works in this field belong to such researchers as V.P. Galitskii, V.B. Konasov, A.A. Krupennikov, N.V. Petrov, P.M. Polyan, A.S. Smykalin, M.I. Semiryaga, B.N. Kovalev, D.Yu. Astashkin, A.L. Kuzminykh and S.V. Kulik.³

Foreign researchers, relying mainly on the systematic memories of former Wehrmacht prisoners of war, previously convicted in the USSR on charges of war crimes, clearly assess the relevant activities of the Soviet state as arbitrariness. Only in recent years, have the papers on this problem appeared in the foreign press based on the information gathered from the archives of Russia and the former GDR. In this case, the authors attempted to clarify the issues such as the impact of Soviet punitive bodies and places of detention on the fate of prisoners of war and interned citizens of Germany and Austria. Among the most competent foreign researchers in this field are K. Bährens, G. Wagenlener, S. Karner, M. Lang, A. Lehmann, A. Smith, A. Hilger and others.⁴

³ V.P. Galitskii, "Repressive policy of the Soviet government in relation to foreign prisoners of war and civilians (1939–1956)", *Actual Problems of Archeology, Source Study and Historiography: Materials for the all-Russian scientific conference dedicated to the 50th anniversary of the victory in the Great Patriotic War* (Vologda: Rus', 1995), 3–13; V.B. Konasov, *Prosecution of German Prisoners of War in the USSR. Foreign Policy Aspect of the Problem* (Moscow: Institut voennoi istorii, 1998); V.B. Konasov, *The Fate of German Prisoners of War in the USSR: Diplomatic, legal and political aspects of the problem. Essays and documents* (Vologda: Vologodskii institut povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki pedagogicheskikh kadrov, 1996); A.A. Krupennikov, *Heavy Burden of Captivity. Articles. 1993–2000* (Moscow: Reittar", 2001); N.V. Petrov, "Out-of-court reprisals against German prisoners of war in 1941–1946", *Problems of Military Captivity: Past and Present: Proceedings of the international scientific and practical conference, 23–25th October 1997, in Vologda. Part 2* (Vologda: Vologodskii institut povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki pedagogicheskikh kadrov, 1997), 77–95; P. Polyan, *The Victims of Two Dictatorships: Ostarbeiters and Prisoners of War in the Third Reich and their Repatriation* (Moscow: Vash Vybor TsIRZ, 1996); A.S. Smykalin, *Colonies and Prisons in Soviet Russia* (Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi yuridicheskii universitet, 1997); M.I. Semiryaga, *Collaborationism: Nature, Typology and Manifestations during the Second World War* (Moscow: ROSSPEN, 2000); B.N. Kovalev, *Nazi Occupation Regime and Collaborationism in Russia (1941–1945)* (Veliky Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet im. Yaroslava Mudrogo, 2009); D.Yu. Astashkin, B.N. Kovalev and S.V. Kulik. *Occupation, Resistance, Retribution. The Nazi Regime in the Novgorod Land* (Veliky Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet im. Yaroslava Mudrogo, 2016); A.L. Kuzminykh, *Military Captivity and Internment in the USSR* (Vologda: Drevnosti Severa, 2016).

⁴ K. Bährens, "Deutsche in Straflagern und Gefängnissen der Sowjetunion", *Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges*. Bd. 5(1) (München–Bielefeld: Ernst und Werner Gieseking, 1965); A. Hilger, *Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956. Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung* (Essen: Klartext Verlag, 2000); A. Hilger, "Sowjetische Justiz und Kriegsverbrechen. Dokumente zu den Verurteilungen deutscher Kriegsgefangener, 1941–1949", *Vierteljahrshefte für Zeit Geschichte*, no. 54 (2006): 461–515; A. Hilger, *Sowjetische Militärtribunale. Band 1: Die Verurteilung deutscher Kriegsgefangener*

Thus, the historiography of studies devoted to these problems demonstrates their fragmentary nature. This circumstance is especially characteristic for the study of the regional peculiarities of the prosecution of the Nazi war criminals and their accomplices, which largely remained without attention of the scientists, as, for example, in the Stalingrad region, which, in our opinion, was one of the starting points of this process.

By the time of the Nazi invasion, this region was the largest industrial and agricultural area of the USSR. The area was not fully occupied: of the 73 districts they had captured 14 that had undergone the greatest destruction. 22 districts were on the front line, experiencing the methodical raids and shelling. In the hands of the invaders was part of Stalingrad, the city of Serafimovich, working-class village Kotel'nikovo and 243 other localities.

Paulus grouping was on the Stalingrad territory for six months only, however it left a terrible mark. The rampant parts of the Wehrmacht were brought up in a spirit of ruthlessness towards the prisoners of war and peaceful Soviet citizens. The order of Generalfeldmarschall Reichenau, the predecessor of Paulus as commander of the 6th Army (Wehrmacht), which later became a textbook, read as follows: "The most essential aim of the war against the Jewish-Bolshevistic system is a complete destruction of their means of power and the elimination of Asiatic influence from the European culture. In this connection, the troops are facing the tasks which exceed the one-sided routine of soldiering ... The combating of the enemy behind the front line is still not being taken seriously enough. Treacherous, cruel partisans and unnatural women are still being made prisoners of war and guerrilla fighters dressed partly in uniforms or plain clothes, and vagabonds are still being treated as proper soldiers and sent to prisoner of war camps. It is now high time for the commanders to clarify the meaning of the present struggle..."⁵

Although Paulus abolished the 'disgraceful order', he did not try to curb the widespread massacres and robberies perpetrated by his troops. Mass killings of civilians, starvation, gas poisoning, extermination of the sick, painful torture – all this was practiced as a system, with German pedantry and cold-blooded accuracy. Hitler's

1941–1953 (Köln: Böhlau Verlag, 2001); S. Karner, *Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956* (Wien-München: R. Oldenbourg Verlag, 1995); M. Lang, *Stalins Straffjustiz gegen deutsche soldaten. Die Massen-Prozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in den Jahren 1949 und 1950* (Herford: Mittler, 1981); A. Lehmann, *Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion* (München: C.H. Beck, 1986); A. Smith, *Heimkehr aus dem Zweiten Weltkrieg. Die Entlassung der deutschen Kriegsgefangenen* (Stuttgart: Verlags-Anstalt, 1985); G. Wagenlener, *Stalins Willkürjustiz gegen die deutschen Kriegsgefangenen* (Bonn: Verlag der Heimkehrer, 1993).

⁵ *Documents Accuse: A collection of documents about the monstrous atrocities of the German authorities in the Soviet territories temporarily seized by them*, vol. 1. (Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1943), 157.

generals tried to outdo each other with the inhumanity of their orders, and their soldiers and officers competed to commit crimes against the civilians and prisoners of war.

Main body

The accumulation and processing of the materials about the atrocities of the Nazis were first taken up by the NKVD, or more precisely by the state archives within their jurisdiction. The prologue to the official investigation of the Nazi atrocities should be considered the events sanctioned by the order of the USSR People's Commissar of Internal Affairs on 25th February 1942 'On sending materials regarding the atrocities of the Nazi invaders to the State Archives Administration of the NKVD of the USSR'.⁶ This explains attention of the staff at the Stalingrad Department of the NKVD (UNKVD) headed by A.I. Voronin, to the criminal actions of the invaders entering the territory of the region. In accordance with the said order, all acts, photographs, as well as the materials captured from the enemy, reflecting the atrocities, violence, robberies and destruction committed by the invaders, were to be sent to Beketovka, where the department of state archives of the Stalingrad UNKVD was located.

Along with the information about the deployment and movement of the enemy troops, the KRO (military counterintelligence) department of the NKVD in reports on the situation in the enemy rear sent to the daily report to the leadership of the NKVD of the USSR, as well as those intended for the army command, assigned a lot of information about the damage caused by the Hitlerites and the atrocities they committed. As an example, in the intelligence report No. 5 of 12th August 1942,⁷ sent to the Deputy Commissar of Internal Affairs of the USSR, I.A. Serov, it was reported that in the farm Goluboi of Sirotinskii District, all the cattle were taken and stolen from the collective farmers. A collective farmer Panova from the village of Teplyi, a mother of four children, was shot because she called a robber the German officer who took the cow from her. The Germans, who were engaged in robbery house-to-house, selected the most valuable things and left small things to their Romanian vassal troops: household utensils and children's toys. The Romanians were not above doing this.

In the intelligence report on 13–17th October 1942 on the situation in Stalingrad, which was intended for the commander of the front, it was stated that in the area of the station Razgulyaevka, there were about 500 Soviet prisoners of war, who were kept in extremely difficult conditions and ate only watery soup and cabbage. The prisoners were starving. Great morbidity rates and pediculosis were observed. The

⁶ Arkhiv Upravleniya FSB (hereinafter referred to as UFSB) po Volgogradskoi oblasti f. 68, op. 63, p. 9, l. 187.

⁷ Arkhiv UFSB po Volgogradskoi oblasti f. 68, op. 63, p. 11, l. 113.

German groups in the city were engaged in robbery, breaking entire dwelling houses into dugouts.⁸

Several official documents of the UNKVD (certificates and reports) during this period were entirely devoted to the damage suffered from the robbery of the Wehrmacht and civilian casualties. The certificate of the consequences of the hostile air raid in August 1942, for example, reported that a pharmacy, a maternity hospital, a bathhouse and 12 residential buildings were destroyed in the Vladimirsky district. 44 civilians were killed and wounded.⁹

On 24th November 1942, at the start of a determined attack by the Soviet troops in Stalingrad, A.I. Voronin received a directive from the leadership of the NKVD of the USSR on the organization of covert and surveillance operations in the areas liberated from the occupation. The UNKVD employees were instructed as follows: “The investigation, interviews of agents and applicants from the residents are to identify the intelligence, counter-intelligence, police and administrative fascist bodies, as well as their agents, members of White Guard organizations, punitive and liquidation units, owners of dens and houses of tolerance and organize the removal of the remaining German documents”.¹⁰

Since then, when the exposure of Hitler's war criminals and their accomplices had become a few important tasks, the ascertainment of atrocities on the occupied territory had entered a new phase. It was characterized primarily by the mass use of collected materials in the prosecution of the Nazi collaborators from the Soviet citizens. As a rule, all activities in this direction were carried out in parallel with the restoration of Soviet power in the liberated areas of the region. Along with the ‘flying squads’ who restored the party and government authorities, after the front line moved from the operational group of the NKVD to develop the operational work to identify and arrest the accomplices of the Nazis. After the investigation in the local regional department of the NKVD, the fate of such persons was decided by military tribunals, and the basis for both the charges and the verdict were often based on the acts of atrocities drawn up by members of the public.

A very characteristic in this respect is the criminal case on charges of P.A. Konovalov – the former head of the village Zhutovo-1 Voroshilov district.¹¹ Konovalov was arrested with the approval of the prosecutor of the Voroshilovsky district by an officer of the district department of the NKVD on 15th January 1943. Having remained on the occupied territory, he voluntarily joined the service of the Germans and was appointed as their headman. Konovalov actively assisted the German invaders in establishing the fascist regime in the countryside and participated in the events

⁸ Arkhiv UFSB po Volgogradskoi oblasti f. 68, op. 63, p. 11, ll. 13, 201.

⁹ Arkhiv UFSB po Volgogradskoi oblasti f. 68, op. 63, p. 11, l. 171.

¹⁰ Arkhiv UFSB po Volgogradskoi oblasti f. 68, op. 63, p. 9, l. 7.

¹¹ Arkhiv UFSB po Volgogradskoi oblasti. Criminal case number 18504.

they held: he took away the cattle and food from the population for the Germans, praised the fascist system and spread the counter-revolutionary slander against Soviet power. His main fault was assisting the Nazis in identifying and arresting the Jews, who were then killed in the Kamennaya gully.

The central place in the investigative materials was taken by the acts of Konovalov's complicity to the invaders drawn up on the eve of the incident by the chairman of the village council and the collective farmers. They detailed all the grievances and harassment inflicted upon them by their fellow villager during the occupation: the number of cattle transferred to the Germans, the collective farm property assigned to them, the names of flogged on the orders of the village headman. The extradition of Jews to the Nazis was also mentioned.

The same acts were taken as a basis for the verdict by the Military Tribunal of the NKVD troops, which considered the case of Konovalov and sentenced him to capital punishment. However, Konovalov managed to avoid execution as the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR, which relying on the same acts, did not see the active participation in destruction of Jews in his actions.¹²

On 2nd November 1942, by the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, the Extraordinary State Commission (ChGK) was established to ascertain and investigate the atrocities of the German fascist invaders and their accomplices, as well as the damage caused by them. One of its tasks was to ascertain, in all cases where it was possible, the personalities of the fascist German criminals guilty of organizing or committing atrocities in the temporarily occupied Soviet territories, with the aim of bringing them to justice. However, with the scale of work that took place, even realizing the extraordinary powers granted to it, the Commission was unable to achieve the set goal – to fully ascertain and investigate the atrocities of the Nazis in the USSR – and became primarily a coordinating centre. The need for nationwide measures to expose Hitler's war criminals was obvious.¹³

In this regard, there was a problem with the structure of the relevant bodies as a mobilizing start. As we know, long before the war, the functions of the law enforcement agencies in the USSR were largely usurped by the party and executive authorities. Not only in the centre, but also locally, extrajudicial bodies had been formed to arraign the Soviet citizens on criminal charges. The so-called Troika included head of the NKVD of the USSR in the Republic (province, region), the secretary of the regional Committee of the CPSU(b) and the prosecutor of the Republic (province, region). The Soviet government chose a similar formula in the case of exposing the Nazi criminals.

¹² Arkhiv UFSB po Volgogradskoi oblasti. Criminal case number 18504, l. 132.

¹³ See for more information: A.E. Epifanov, "Organizational and legal framework of the commissions for the establishment and investigation of the Nazi atrocities", *LEGAL CONCEPT = Legal paradigm*, no. 4 (2017): 22–29.

By a decree of the Council of People's Commissars of the USSR dated 16th March 1943, the structure of the bodies called upon to carry out an on-site investigation and to provide the Extraordinary State Commission with the necessary assistance was presented.¹⁴ The main burden of the investigation was placed on the republican, provincial and regional assistance commissions, the formation of which was provided for in places liberated from the occupiers. The membership of the commissions was determined as follows: the chairman was the first secretary of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in the republic (provincial committee, regional committee), the members were the chairman (or his deputy) of the Council of People's Commissars of the republic (provincial, regional executive committee) and the corresponding head of the UNKVD member chosen from the local representatives.

Within their regions, the assistance commissions had a status defined for the Extraordinary State Commission. Their main tasks were to unite and coordinate the work carried out by the Soviet state bodies to record on war crimes and the damage caused by the invaders, to establish in all cases where it was possible, the Nazi personalities guilty of organizing or committing atrocities on the occupied Soviet territories. To carry out these tasks, the commission was entrusted with the collection of documentary data on atrocities and their verification, as well as processing these materials and their publication as required.

The commissions had the right to instruct the relevant authorities to investigate, interview the victims, collect testimony and other documentary data relating to violence, atrocities, robberies, destruction and other criminal acts of the Nazis and their accomplices.

The Stalingrad Regional Assistance Commission was created by one of the first decisions of the bureau of the Stalingrad Regional Committee of the CPSU(b) on 21st March 1943 and worked until March 1945. Its members included party and Soviet leaders in the region, most of whom were represented by the city's defence committee shortly before: Chairman of the Stalingrad Regional Executive Committee I.F. Zimenkov, head of the regional department of the NKVD A.I. Voronin, secretary of the city committee of the CPSU(b) I.A. Piksin and Chairman of the Dzerzhinsky District Executive Committee, T.S. Murashkina. A.S. Chuyanov, the First secretary of the Stalingrad Regional Party Committee, headed the Assistance Commission. The executive secretary of the Commission was approved by the head of the special sector of the Stalingrad Regional Committee of the CPSU(b) F.P. Myakinin.¹⁵

¹⁴ Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti (hereinafter referred to as GAVO) f. 6088, op. 1, d. 2, ll. 139–141.

¹⁵ Tsentr dokumentov noveishei istorii Volgogradskoi oblasti (hereinafter referred to the TsDNIVO) f. 113, op. 14, d. 4, l. 231.

The ascertainment and investigation of the atrocities by the invaders were regarded as the most important part of the party and state work, which had great military and political significance. The leaders of the NKVD, party and Soviet structures in this regard had to record immediately all the available facts of atrocities and damage caused by the invaders; to involve representatives of the party and Soviet activists, economic, cooperative, trade union, Komsomol and other public organizations in drawing up the acts.¹⁶

The Stalingrad assistance commission did not start its work from scratch. On 4th March 1943, A.S. Chuyanov sent A.I. Voronin a very special errand via telegraph. Participating in the preparation and discussion of these decisions, he asked to send to the CPSU(b) the materials relating to the atrocities of the Nazi invaders in relation to the civilians and prisoners of war in the Stalingrad region. All the facts about the atrocities of the Nazis had to be recorded and sent by courier to Moscow, to the reception office of the member of the State Committee of Defence, the head of the Committee on the restoration of the liberated areas G.M. Malenkov. 15–20 “main and most important acts were requested to be sent without delay by high frequency radio, whilst an interest in the monstrous crime of the Nazis in the farm of Alekseevskii in Gorodishchenskii district was shown”.¹⁷ Thus, the beginning of the official investigation of the atrocities of the Nazis in the Stalingrad region was laid by exposing them in the commission of one of the most terrible crimes not only on its territory, but also during the war in general.

The reference prepared by A.I. Voronin noted that at the farm Alekseevskii, the invaders arranged a camp for the prisoners of war, which contained about five thousand people. Within two months, the Nazis did not give them a single gram of bread, thus forcing incidents of cannibalism. Medical assistance in the camp was absent. The wounded prisoners were devoured by worms, their hands and feet were driven off, hunger cracked their swollen bodies. For no reason, every day the Nazis shot a few dozen people. Only during the morning inspections, they killed 30–40 prisoners. In two months, four thousand prisoners were killed in the camp. According to the eyewitnesses, a tank operator wounded in the battle and a student of Stalingrad Pedagogical Institute died in the camp after eating human meat, and then their bodies were eaten by other prisoners. The whole camp was littered with corpses with cut-out abdomens and livers and hearts removed from them, and brains were taken out from their heads. Having deprived the prisoners even carrion, the fascists forced them to eat killed and dead comrades.¹⁸

Considering the instruction of Chuyanov, the leadership of the Ministry of Internal Affairs ordered its units both in this case and in the future to document all the as-

¹⁶ GAVO f. 6088, op. 1, d. 3, l. 74.

¹⁷ Arkhiv UFSB po Volgogradskoi oblasti f. 68, op. 63, p. 9, l. 187.

¹⁸ Arkhiv UFSB po Volgogradskoi oblasti f. 68, op. 63, p. 9, ll. 24–25.

certained facts of atrocities in acts drawn up by representatives of the Soviet authorities with the participation of witnesses.¹⁹

Despite the obvious atrocities of the Nazis, their criminal prosecution required a certain regulatory framework. As until that time, the Soviet government solved the main issues of criminal responsibility of the Nazis only in a declarative form, the resolution of urgent problems of exposing the war criminals was possible only because of the local law-making. The leaders of the local authorities had no choice but to develop the details of not only the investigation process, but also the signs qualified as atrocities. This was especially evident in the example of the Stalingrad UNKVD.

After the Battle of Stalingrad, A.I. Voronin received order No. 1466 of Deputy Commissar of Internal Affairs Merkulov, which served as a signal for the start of large-scale operations to conduct a full record of the atrocities of the fascist invaders. In pursuance of the order, a plan of key measures was developed, which determined the forces and means used by the directorate to establish and investigate the Nazi atrocities. It was prepared by the head of counter-intelligence UNKVD P.S. Litman. The plan included: a) the development of orders to the heads of all NKVD units, transport agencies and NKVD troops on unfolding work to collect and document the facts of the atrocities of the invaders through agents, by questioning the arrested, the claimants, the victims, as well as based on the study and synthesis of the available materials about the atrocities; b) the compilation of an approximate list of issues on which it was necessary to identify and document the facts of war crimes, namely: violence against women, underage girls, old women; the use of manual labour of the elderly, the sick and pregnant women at physically demanding works; the use of children, old men and women during hostilities to cover military units; bullying prisoners of war, hostages, citizens of Jewish nationality. When clarifying issues related to the infliction of physical and material damage to the citizens, it was necessary to verify the identification data of the victims, the consequences of the violence with regards to their health, as well as the names, descriptive information and other data about the fascist criminals.²⁰

The considered list contained in fact the dispositions of various elements of war crimes and determined what violations of the Nazi service and conduct of military actions were the atrocities against the Soviet people, subject to punishment. Thus, P.S. Litman independently filled the gap in the legal regulation of the prosecution of the Nazi criminals by resorting to the method of listing and giving his list a retroactive effect.

As one of the measures, the plan involved the police to carry out this work. In this regard, on 22nd March 1943, the head of the regional police N.V. Biryukov was in-

¹⁹ Arkhiv UFSB po Volgogradskoi oblasti f. 68, op. 63, p. 9, l. 25.

²⁰ Arkhiv UFSB po Volgogradskoi oblasti f. 68, op. 63, p. 9, ll. 166–169.

structed to mobilize the police apparatus in the city and the areas liberated from the invaders to identify and document the facts of the destruction, robbery, executions, harassment, violence and other atrocities of the German fascist invaders; to allocate a duty to the investigating employees, in the process of interrogation of the accused and other persons who may have known the facts of atrocities, to document them with separate interrogation protocols; to instruct the agents to identify the acts of atrocities that had not yet been revealed, as well as the persons to whom they may have been known; to document the acts and protocols of interrogations on the ascertained war crimes; to use every possibility for the search and seizure of documents, photographs and other materials confirming the atrocities of the Nazis; to review the materials already available on this subject, checking them as required and immediately send them to the NKVD.²¹

The NKVD authorities rendered perhaps the most reliable and competent support of the Stalingrad Regional Assistance Commission. Already at the time of its formation, A.I. Voronin issued an order²² according to which the heads of the district departments of the NKVD were to provide the local party and the Soviet authorities with all possible assistance in carrying out the tasks assigned to them by the commission. The leadership of the local units of the NKVD was given permission to provide the materials to be checked to the appropriate party and the Soviet authorities.

The plan developed by the head of counterintelligence of the NKVD assigned paramount importance to the cooperation with the regional commission. It involved maintenance of regular communication with the assistance commission on the establishment and investigation of the Nazi atrocities; ensuring timely execution of the commissions' tasks to verify, clarify and investigate the facts of atrocities; allocation of the head of one of the departments of the NKVD counterintelligence to summarize the received materials and send the results to the regional commission and the NKVD of the USSR.²³

The head of the regional NKVD Department and the editor of the newspaper 'Stalingradskaya Pravda' published an appeal to the population of the region, which requested to inform the Assistance Committee about all revealed facts of violence, shootings and taking of Soviet citizens to German servitude and about the robberies committed by the occupiers. Materials were to be sent to the Regional Committee of the CPSU (b). As it was indicated in the appeal, the statements and other materials on this issue (orders, decrees and announcements of the German fascist authorities, surviving photographs of atrocities) were also taken locally – by the district party committees and councils of workers' deputies.²⁴

²¹ Arkhiv UFSB po Volgogradskoi oblasti f. 68, op. 63, p. 9, l. 170.

²² Arkhiv UFSB po Volgogradskoi oblasti f. 68, op. 63, p. 9, ll. 63–66.

²³ Arkhiv UFSB po Volgogradskoi oblasti f. 68, op. 63, p. 9, l. 168.

²⁴ GAVO f. 6088. op. 1, d. 3, l. 51.

After studying at the regional commission, all the received materials were thoroughly checked by the NKVD officers. The head of the NKVD department in Sirovinskii district reported, for example, to the regional commission that the 32 acts received from it regarding the atrocities of the invaders at the farms of Akimovskii and Trekhostrovskoi were checked three times by their staff.²⁵ The main evidentiary facts, as before, were to be recorded as facts of atrocities by members of the public. All other forms and directions of investigation were, as a rule, derived from it.

The NKVD authorities, the party and the state authorities of the region sought to improve the work of the local commissions to ascertain and investigate the atrocities, to overcome the discrepancies in drawing up acts, elementary illiteracy and negligence, to turn the recording into an effective and authoritative mechanism of not only a propaganda struggle, but also criminal prosecution of Hitler's criminals. On 17th May 1943, their activities in the Stalingrad region were brought into the system and subjected to the same rules of investigation. On that day, the regional assistance commission received and adopted the instructions of the Extraordinary State Commission on the procedure for ascertaining and investigating the atrocities of the Nazi invaders and their accomplices.²⁶

The instructions did not significantly change the practice of ascertaining and investigating the atrocities and were mainly concerned with establishing uniformity in the preparation of the acts. The procedure involved the ascertainment of facts of atrocities based on the statements of citizens, interviews of victims and witnesses, medical examinations, as well as inspections of the places of atrocities. The indication of the ascertained war criminals was mandatory. The information on them was required to be differentiated by all types of complicity (organizers, instigators, performers and their accomplices), as well as the names, military units, institutions or organizations of the occupation authorities to which the identified persons belonged.

Where possible, the acts were to contain a precise description of the atrocities, including the time, place and modus operandi. The instructions required that all relevant documents be attached to the acts: statements, minutes of interviews, conclusions of medical experts, photographs, letters of Soviet people from German captivity, orders and decrees of the military command and administration of the Nazis. Together with the instructions, the Extraordinary State Commission provided locally the blanks of acts, summary sheets, survey reports and questionnaires designed specifically to identify and investigate the atrocities of the occupiers and their accomplices.

Upon the receipt of the instructions, the regional assistance commission had to start recounting the damage and atrocities, as the uniform requirements for the registration of acts necessitated the unification of a huge number of accumulated materials characterized by exceptional diversity. In this regard, A.S. Chuyanov even appealed

²⁵ GAVO f. 6088. op. 1, d. 3, l. 55.

²⁶ GAVO f. 6088, op. 1, d. 4, ll. 25–26.

to the Extraordinary State Commission and the Prosecutor's office of the USSR with a request to give back the materials about the atrocities of the Nazis for further development.²⁷

Since the regional commissions for identifying and investigating the atrocities of the Nazis became obliged to systematize the received materials (by drawing up special acts-lists and summary sheets), the recording acquired a relatively clear structure. The primary acts of the local commissions served as the basis for the preparation of the said acts and summarizing documents by higher commissions, up to the regional one. As an example, on 10th September 1943, the Regional Assistance Commission based on the acts provided by the village commissions issued an act of robberies and rapes committed by the occupiers in the Gorodishchenskii district.²⁸

Deprived of almost all the conventions inherent in the criminal procedure rules at the time, the most simplified scheme of exposing the Nazis was to ensure that the atrocities were ascertained and investigated as quickly as possible by the people who did not have any professional skills of investigation. To fill this gap as quick as possible, the regional commission sent authorized "specialists in recording of atrocities committed by the German fascist troops", who were employees of the regional prosecutor's office,²⁹ to the liberated districts. They were given powers to mobilize all district party committees, executive committees, prosecutors, police and courts to draw up acts of atrocities committed by the invaders. This time, the acts included not just a description of the monstrous atrocities of the Nazis, but also evidence against them, thus acquiring the most important evidentiary value.

Another legal innovation inherent in the first generation of acts to record the atrocities of the invaders calls attention to itself. Naturally, during their rule and even at the time of exile, few people had the idea to find out the identity or memorize the signs of fascist fanatics. Now, when the position of the Soviet government changed, after a considerable time, it turned out to be extremely difficult to isolate from the faceless mass of Hitlerites, both on one and the other side of the front line, the real culprits and perpetrators of the unspeakable atrocities. In terms of strict guidelines, it was only possible to excuse those participating in the drawing up acts with regards to the Nazi army officers and soldiers guilty of war crimes in the places designated for this, because at the time of the investigation, it was impossible to identify these persons. In the best scenario, the acts contained data on the kind of troops that committed the atrocities in one place or another (motorized infantry, tankmen, mortar men, etc.).

Several acts noted the whole units, parts of the Wehrmacht or their command as culprits. Thus, on 13th July 1943, the commission of the Ermanskii district of Stalin-

²⁷ GAVO f. 6088, op. 1, d. 363, l. 28.

²⁸ GAVO f. 6088, op. 1, d. 2, l. 27.

²⁹ Arkhiv UFSB po Volgogradskoi oblasti f. 68, op. 63, p. 9, l. 43.

grad accused the 193rd infantry regiment of the Nazis in bullying the civilians hiding in the basement of the regional consumer union.³⁰ On 7th August 1943, the collective farm commission of the village Kamenka, Voroshilovskii district, on the basis of the statements of the collective farmers and the inspection of the crime scene, ascertained the fact of killing 164 Jews in the ‘gas chamber’, recognizing the command of the 243rd tank and 601st mortar regiments as well as the 6th army command of the Germans stationed in the captured Kamenka.³¹

As the further developments showed, for the judges of the military tribunal it was enough to state defendant’s belonging to the punitive parts of the Wehrmacht to convict them, as well as the facts of atrocities ‘on account’ of their unit. At the same time, such an important link as the causal connection between the actions of the accused himself and the atrocities, their responsibility as per the above-mentioned method with regards to the military unit, which they led or served in, was missing.³²

Under the conditions when, in investigating atrocities, such quality as affiliation to the unified system of genocide against the Soviet people, the pre-planned and unswervingly carried out by the ruling Hitler clique and its military command invariably protruded, this position of the investigators seems justified. However, the opposite side put forward its arguments. As an example, General E.G. Jeneke, one of the largest figures of the command of the Hitlerite group in Stalingrad, defending himself after the war at a meeting of the Soviet military tribunal as an accused war criminal, said, referring to the conditions of the war and the inevitability of ‘some casualties’, that there were ‘individual criminals’ among 300 thousand troops: “It is ridiculous to accuse the army commander of this, as it would be ridiculous to accuse the Sevastopol city council of the crimes committed by the residents of the city”.³³

Another characteristic feature of recording the atrocities of this period is that the employees of the ‘competent authorities’ involved in the investigation had ceased to advertise their participation in it. The employees of state security, internal affairs, prosecutors, were modestly mentioned last in the lists of commissions for the ascertainment and investigation of the atrocities and now no longer issued their departmental affiliation.

These and other changes were largely due to the arrival in Stalingrad of a member of the Extraordinary State Commission academician I.P. Trainin – a well-known theorist of the prosecution of the Nazis for their atrocities. He read a report to the

³⁰ *The atrocities of the German invaders in the areas of Stalingrad region under occupation: Documents* (Stalingrad: Oblastnoe knigoizdatel'stvo, tipografiya gazety ‘Kolkhoznik Dona’, 1945), 78.

³¹ *The atrocities of the German invaders*, 33.

³² A.E. Epifanov, “Prosecution of war criminals among Wehrmacht prisoners of war in the USSR (historical and legal aspect)”, *Pravo i Praktika*, no. 4 (2017): 6–16.

³³ Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (hereinafter referred to as the GARF) f. 7021, op. 116, d. 382, l. 7.

party and the Soviet activists of the region, and then, jointly with the head of the UNKVD, A.I. Voronin organized a meeting of the Regional Assistance Commission, at which the heads of the regional state security bodies, the police and the prosecutor's office reported on the work done to ascertain the atrocities of the invaders. There, on 2nd July 1943, I.P. Trainin gave comprehensive instructions on collecting materials on the atrocities of the occupiers in the region.³⁴

I.P. Trainin, with regards to exposing the Nazis, paid great tribute to Stalingrad in its crucial role. In his opinion, this city had acquired a special significance, since after the events that entailed a radical change in the Great Patriotic War, the attention of the whole world was attracted to it. And if 'Pravda' in those days connected the word 'Stalingrad' in the consciousness of the whole world with the triumph of historical justice, then I.P. Trainin wanted Stalingrad to signify legal justice for the Nazi war criminals. During his speech, he called for Stalingrad to restore evidence of the Nazi atrocities, which could be submitted not only to the Soviet tribunal, but also to the international one, where "lawyers will preside, and formalities will be observed".³⁵

Especially I.P. Trainin warned against the departmental approach to be ascertaining and investigating the war crimes. Delicately pointing to the fact that the leaders gathered in front of him, who are entrusted with organizing the ascertainment and investigation of atrocities, were involved in the production of 'sabotage cases', i.e., the repression of 'enemies of the people', Trainin asked them 'not to legalize' the case of exposing the Nazi criminals. This was necessary to avoid the judgments of foreign lawyers that Hitler's atrocities were 'formally portrayed' by the people who punished their own innocent compatriots. That is why he suggested avoiding in drawing up in the acts those formalities and expressions that were characteristic of official criminal procedural documents. In particular, he recommended refusing to warn witnesses of atrocities about criminal responsibility for giving false testimony and for refusing to testify, since the international jurisdiction may be wary of such documents and say that people's justice was needed there.

Citing as an example the acts drawn up by the police and the prosecutors with the indication of the departments to which they belonged, I.P. Trainin advised to continue to prevent this: "The people themselves speak, and you organize, you must help them".³⁶ Such scrupulousness in the preparation of the accusatory material was fully justified, because, despite the expressed desire of the countries of the anti-Hitler coalition to punish the war criminals, certain government circles abroad used any reason to postpone the adoption of crucial decisions. Any doubts about the accuracy of information about the atrocities of the Nazis in the Soviet Union could significantly affect the inevitability of their criminal punishment on an international scale.

³⁴ Arkhiv UFSB po Volgogradskoi oblasti f. 68, op. 63, p. 9, ll. 67–73.

³⁵ Arkhiv UFSB po Volgogradskoi oblasti f. 68, op. 63, p. 9, l. 68.

³⁶ Arkhiv UFSB po Volgogradskoi oblasti f. 68, op. 63, p. 9, l. 70.

In general, the speech of I.P. Trainin, like his work in Stalingrad, was imbued with the concern for the preparation of an international trial of the Nazi criminals. The tasks he put forward were dictated primarily by the statement of the Soviet government of 14th October 1942 ‘On the responsibility of the Nazi invaders and their accomplices for the atrocities they committed in the occupied European countries’, which brought forward the convening of an international war crimes court to judge the criminal leaders of the Nazi regime.

It goes without saying, for a trial of this magnitude, it was necessary to select the most significant, the most striking documents, to obtain which I.P. Trainin arrived in Stalingrad. At the same time, it should be recognized that such a position could not have had adverse consequences for the investigation, since many of its participants in the pursuit of sensational facts ignored many war crimes committed by the ordinary Nazis in the region. To stop such a development, the Stalingrad Regional Assistance Commission pointed out the inadmissibility of superficial recording and investigation, “according to well-known and mainly major facts”, leaving unrecorded the bulk of the atrocities, and demanded to get a “complete picture of the atrocities of the German invaders”.³⁷

The ascertainment of the Nazi state policy in the temporarily occupied territories remained central to the investigation. The most eloquent materials about it were obtained because of the activities of the Commission in Dzerzhinskii district of Stalingrad, and I.P. Trainin participated in its work personally. In this case, he not only demonstrated how to expose the Nazi war criminals, but also created the basic background for the whole subsequent struggle against the culprits and perpetrators of the atrocities in the region.

The work of the Commission, which included I.P. Trainin, Chairman of the Dzerzhinskii district Executive Committee T.S. Murashkina, Professor V.G. Il’inskii, doctor N.G. Tushnov and M. I. Danilova, a worker of the canteen at the Executive Committee, and involved the ascertainment and investigation of atrocities of the Nazi military commandant’s office in Stalingrad, ended on 2nd July 1943. The act that it drew up, was based on the materials about the discovery of 516 corpses of Soviet citizens tortured in the German military commandant’s office in the cemetery. Among them were 50 children aged three to twelve years old.

The commission worked closely with the state security agencies, which did a great job in examining the seized documents, orders and instructions of the Hitler military administration, led by General Lenning, the commandant of Stalingrad. Employees of the NKVD interrogated a large group of captured employees of the commandant’s office and army intelligence.

Examination of the corpses, made by the representatives of the public on 25th March 1943, showed that the Nazis brutally tortured the Soviet people. 139 vic-

³⁷ TsDNIVO f. 113, op. 14, d. 4, ll. 22–23.

tims – women and girls – had their hands broken and tied at the back with a wire, and 18 of them had their breasts cut off, many had their ears, fingers and toes cut off. Even the corpses of children were disfigured: cut off fingers, cut buttocks, eyes gouged out. Traces of burns were found on most corpses. 141 corpses had traces of gunshot wounds to their heads and chests, 92 had strangulation stripes on the neck, which indicated hanging. On the corpses of many men, five-pointed stars were burned with a hot iron or cut out with a knife. Initially, the perpetrator of the atrocities was specified in the face of the German military commandant's office. As evidence, there were two signs nailed down by the Nazis on the streets of the city: "Whoever passes by will die", "The passage is forbidden to the Russians, shooting will follow for violation".³⁸ Investigators of the NKVD not only named the names of specific perpetrators, but also revealed a picture of the fate that the Nazis prepared for the inhabitants of Stalingrad.

A former employee of the German military commandant major Speidel, on the question of what the policy of the German military command and its administration against the civilian population was, during the interrogation said that in Stalingrad, as in the occupied territory of the USSR, it was to withdraw the Soviet and party activists, the Jews, to take them out of the city and transfer to Gestapo for execution. It was also supposed 'to neutralize' all those who were dissatisfied with the invasion of the German troops. It was planned to record the remaining population and this way to identify specialists to use in the restoration of the enterprises that were necessary to ensure the subsistence of the German army, and the rest of the population to be sent to work in Germany.³⁹

Since the Nazis were recognized by part of the Cossack population in the region (Speidel confirmed the desire of the fascist security services to attract the Cossacks to their side at any cost), which was expressed, for example, in the formation of the Cossack units, who then fought on the side of the Wehrmacht, the regional Commission attached exceptional importance to obtaining reliable information about the regime under the Nazi occupation, about the facts of mass violence primarily against the Cossacks.

It should be noted that the situation with the population in the occupied areas did not always correspond to the official version. As an example, an instructor from the Stalingrad Regional Committee of the CPSU(b) Rasteryaev reported from the Voroshilovskii District: "Sadly, it is necessary to recognize that many of the villagers, if not most, are not entirely happy with the arrival of the Red Army. This is explained by the fact that they thoroughly arranged their individual farms and stubbornly try to keep them, but not the collective farm order. In addition, the German-Romanian invaders distributed a lot of collective farm property, and some sneaked

³⁸ Arkhiv UFSB po Volgogradskoi oblasti f. 68, op. 63, p. 9, ll. 79–83.

³⁹ Arkhiv UFSB po Volgogradskoi oblasti f. 68, op. 63, p. 9, ll. 85–89.

everything themselves that they could carry or take, and the people really did not want to part with it”.⁴⁰

Particularly difficult was the investigation of such type of Nazi atrocities as taking of civilians to German servitude, as the Nazis portrayed the departure of the Soviet people to work in Germany as voluntary. On 14th September 1942, the Nazi military command issued an order for the registration of Stalingrad residents at the age of fourteen to fifty for their transferral to Germany. Failing voluntary agreement, the invaders were forced to kidnap the Soviet citizens in servitude. The German commanders posted in the streets the orders to shoot the individuals who had not registered.

The columns of residents of the Stalingrad region stretched under escort into the German slavery. Children, the sick, old people died in their thousands on the road to Belaya Kalitva, where the transit camps for slaves were located. The Nazis took everything valuable from defenceless people on the way and killed those who resisted. By the beginning of October 1942, the Nazis had driven about ten thousand Soviet citizens from the occupied districts of the Stalingrad region to Belaya Kalitva, placing them in the stables and poultry houses at the state farm. Many of them froze in the open air.

The record on the perpetrators of these atrocities was carried out upon the instructions of the Extraordinary State Commission in accordance with the Decree of the Presidium of the Supreme Council of the USSR dated 2nd November 1942 and the note of the People’s Commissariat of Foreign Affairs of the USSR dated 11th May 1943 ‘On the massive forcible withdrawal of peaceful Soviet citizens to fascist slavery, the responsibility of criminal German authorities and individuals who exploited the bonded labour of Soviet citizens in Germany for this purpose’.⁴¹

As before, the Soviet government laid the responsibility for these crimes primarily on the criminal clique of the Nazis and their military command. However, now the responsibility was also shared by the Hitlerite officials who oversaw the recruitment, withdrawal, transportation, maintenance in the camps, sale into slavery and inhuman exploitation of the Soviet citizens. At the same time, the note indicated that the Soviet government imposed full responsibility on those individuals in Germany who inhumanly exploited the enslaved citizens of the Soviet Union at their enterprises or in the households.

Starting the investigation, the Stalingrad Region Commission first obliged the NKVD, the party and the Soviet authorities in the region to interview the citizens who returned from the Nazi captivity. Special questionnaire forms were sent locally. The party district committees and district executive committees (as well as village councils) were ordered to conduct polls of the repatriated citizen with the obligatory involvement of the investigative bodies and public organizations. The completed

⁴⁰ Arkhiv muzeya ‘Panorama Stalingradskoi bitvy’ p. 488, inv. no. 637, l. 55.

⁴¹ *Pravda*, May 12th, 1943.

questionnaires were considered valid only after they were verified by the district executive committee. They were subject to an immediate referral to the regional commission.

Whenever possible, they personally received the written statements from the repatriated Soviet citizens describing the life and the bullying in the German slavery. All citizens who returned from the captivity, including those who had not previously lived in the Stalingrad region, were subject to questioning. Only former Soviet prisoners of war were not recognized as repatriated and were not subject to questioning. Considering the previous mistakes, the Stalingrad Regional Commission demanded that the survey materials be drawn up strictly in the prescribed form and procedure.

The forced labour and slavery of the Soviet civilians, as a rule, was accompanied by the Nazi committing other atrocities. To cover all of them, the participants in the investigation put it in the form of a questionnaire. The questionnaire included the following list of the circumstances: when and from where the respondent was taken; who of the Germans (Hungarians, Romanians, etc.) supervised the process, who helped them; where the enslaved was sent to work; a summary of the conditions and circumstances that occurred on the way to the fascist servitude; how the directing to work (purchase and sale, direction under escort, imprisonment in a concentration camp, etc.) took place on the spot; information about the place of work in Germany, including the signs of the owner of the company; a brief description of working and living conditions in captivity (kind of work, number of working hours, payment, provision of basic necessities, etc.); a brief description of the facts of violence, bullying, torture, beatings and other criminal acts of the owner of the enterprise and their employees; a list of the company's administration, police officers and other persons guilty of the exploitation and torture of the Soviet citizens. The data were also required on the members of their families and with regards to their attitude towards the enslaved Soviet citizens. In the column 'Special notes', the repatriated complained, as a rule, of robberies by their masters. However, there were also some ingenious notes that as the Red Army approached, the attitude of the German masters changed, and they became much more docile.⁴²

The specialists authorized by the regional assistance commission, leaders of party and Soviet authorities, as well as district authorized regional departments of the NKVD were directly engaged in the questionnaires. On their way, the officers of the internal affairs and state security authorities found out whether the statements about the kidnapping to Germany were true. The occupation of the repatriated before they were taken to Germany was a subject for clarification. That is how they revealed the traitors of the motherland and accomplices of the Nazis who fled with them and then returned to the Soviet Union.

⁴² GAVO f. 6088, op. 1, d. 2, l. 7.

The district NKVD departments carried out the necessary investigative actions regarding the blatant facts of bullying that accompanied taking into servitude. They included, as a rule, the interrogation of two or three witnesses of the crime. Their testimony established the date of taking into servitude, its method and organizers.

All the revealed facts of the enslavement of the Soviet citizens were subject to recording by commissions formed from the residents, which also had their own characteristics. The commissions should have included at least five people. The acts drawn up required to attach the list of names of the enslaved (in a special form). In the survey of all the repatriated, the regional commission relied on the data of the department of the regional executive committee on economic management of the evacuated population and that of the police with regards to the registration of the citizens who returned from captivity.

By July 1943, most of the acts of the atrocities of the Nazis were concentrated in the village councils, district executive committees and district committees of the CPSU(b), which fully corresponded to the strategy and tactics of the ‘national investigation’ developed by the Regional Assistance Commission. However, an excessive passion for the factor of public participation in the fight against the Nazi war criminals did not contribute to achieving a positive effect. On the contrary, the Stalingrad Assistance Commission had to admit that the work on ascertaining and investigating atrocities was incomplete and did not reveal, as required, the “complete picture of the atrocities of the German occupiers”.⁴³

The atrocities of the invaders were not just the incidents with the participation of individual Wehrmacht soldiers and officers, but a certain predetermined system, systematically implemented by the Nazi clique and its military command. The task of not only stating every fact, but also using it in the criminal prosecution of the Nazis, came to the forefront of the investigation. An authority was needed that could not only coordinate the work being carried out, but also ensure the preparation of incriminating the material suitable for the judicial proceedings at any level, up to the forthcoming International Military Tribunal for war crimes trials. The Stalingrad Regional Assistance Commission, which exercised the general management, naturally could not solve such a complex, purely legal task.

Due to the fact that, with the existing organization of the investigation, the qualified assistance of the procuratorial investigators was very difficult, on 2nd July 1943, the regional commission decided to create a special task force to lead the investigation of the fascist atrocities headed by A.I. Voronin, who headed the regional department of the People’s Commissariat of State Security, which had become isolated by that time. The task force included the prosecutor of the Stalingrad Region, S.V. Bekedov, Chairman of the Regional Court N.P. Korol’kov, authorized by the People’s Commissariat for Justice of the USSR in the Stalingrad area S.Z. Levin, the

⁴³ TsDNIVO f. 113, op. 14, d. 4, l. 22.

chief of counter-intelligence of UNKVD P.S. Litman, Head of Department UNKGB M.V. Budnikov and the head of the regional police department N.V. Biryukov.⁴⁴

Responsibility for carrying out all work on the ascertainment and investigation of the atrocities of the Nazis in the region was entirely assigned to this group. A.I. Voronin developed a plan of organizational measures, which was approved by the chairman of the regional assistance commission A.S. Chuyanov. In essence, the plan implied mobilization of all law enforcement officers in the region to expose the Nazi war criminals.⁴⁵ During its development, the tasks assigned to the task force by the regional assistance commission were taken as the basis. According to its decision, materials about the atrocities from all the authorities that were still engaged in the investigation, without exception, were transferred to the task force.

The district committees of the CPSU(b), district executive committees, heads of enterprises and institutions, public prosecution offices and the police, the people's courts were required to immediately provide A.I. Voronin with their materials and evidence, testifying to the atrocities of the invaders. To collect the materials, their review and resolution of the issues in each case about the appropriateness of special investigations in the operational group, the senior investigator of NKGB V.A. Panteleev, a member of the regional court P.L. Mironov, the prosecutor 'on special issues' N.N. Verein and the lead auditor of the office of People's Commissariat for Justice G. I. Tsalkin were included.⁴⁶

The members of the task force acted primarily on a territorial basis. Each was personally assigned to one of the districts in Stalingrad and several districts in the region. However, there was specialization in the organization of the work with the prisoners of war and the repatriated. This was done by the investigators assigned to the group. In accordance with the plan, five investigators from the prosecutor's office, three investigators from the NKVD and two investigators from the NKGB were directly included in the work of the task force. To investigate the facts of the atrocities of the Nazis in the areas, two investigators were attached to each group member. As an example, an investigator from the prosecutor's office K.I. Zabrudnova and an investigator of the NKVD V.V. Reshetov were placed at N.V. Biryukov's disposal.⁴⁷

Besides, all heads of the regional law enforcement agencies included in the task force were obliged to give instructions (by courier) to places within three days upon attraction of all investigators of regional prosecution offices, regional prosecutors, people's judges, chiefs of regional departments of NKVD and NKGB to ascertainment and investigation of Nazi atrocities. Members of the task force could instruct the investigators assigned to them to organize work to establish and investigate

⁴⁴ Arkhiv UFSB po Volgogradskoi oblasti f. 68, op. 63, p. 9, l. 63.

⁴⁵ Arkhiv UFSB po Volgogradskoi oblasti f. 68, op. 63, p. 9, ll. 54–65.

⁴⁶ Arkhiv UFSB po Volgogradskoi oblasti f. 68, op. 63, p. 9, l. 64.

⁴⁷ Arkhiv UFSB po Volgogradskoi oblasti f. 68, op. 63, p. 9, l. 65.

atrocities locally; provide practical assistance in identifying and investigating specific facts of atrocities and identifying the perpetrators; arrange and timely send all materials about the atrocities to the task force.

In turn, the regional commission for promoting a special decree ordered the district executive committees, district party committees and, above all, the regional prosecutor's office, the courts and the police to immediately investigate all the facts of the atrocities reported by the population.⁴⁸ This meant that the regional assistance commission continued to consider the party and the Soviet authorities as the main driving force of the investigation, creating commissions to thoroughly investigate all the atrocities of the Nazis. However, from that moment on, the involvement of the investigative authorities in the enquiry became mandatory in each individual case.

The task force achieved its goals within the two-week period allocated to them by the assistance commission: processed and restored the 157 acts of atrocities in accordance with the uniform requirements, providing the required evidentiary force, and also headed the investigation of the atrocities at its final stage, when the collected accusatory material was required for the official indictment on behalf of the workers of the Stalingrad region.

Conclusion

The incriminating materials, collected under the circumstances considered at the end of 1943, were embodied in the draft resolution of the Extraordinary State Commission 'On the atrocities of the Nazi invaders and the damage they caused in Stalingrad and the occupied districts of the Stalingrad region'.⁴⁹ In addition to it, the investigation resulted in a report by the chairman of the Stalingrad Regional Assistance Commission, A.S. Chuyanov at the meeting of the Extraordinary State Commission on the results of its activities,⁵⁰ which was held on 11th March 1945. In these documents, it was reported that in Stalingrad and the region, the Nazis exterminated 38,554 civilians and 6,074 prisoners of war, including 1744 shot and 108 people hanged. 1598 citizens were subjected to violence and torture. Because of the shelling and bombing carried out by Nazi troops, another 42,797 Stalingradians were killed.

The significance of the investigation, conducted under the leadership of the Stalingrad Regional Assistance Commission, lies primarily in the fact that the victims of the predatory actions of the German fascist invaders and the material damage caused by them in the occupied territory of the region were ascertained. However, the list of 77 war criminals led by Field Marshal F. Paulus, sent to the Extraordinary

⁴⁸ TsDNIVO f. 113, op. 14, d. 4, ll. 9–21.

⁴⁹ GAVO f. 6088, op. 1, d. 12, l. 89.

⁵⁰ TsDNIVO f. 113, op. 14, d. 4, ll. 19–20.

State Commission,⁵¹ clearly did not correspond to the scale of the atrocities committed by the Nazis in the region.

Список литературы

Александров Г.Н. Преступления нацистов не могут быть преданы забвению // Советское государство и право. 1968. № 2. С. 117–118.

Алексеев Н.С. Злодеяния и возмездие. Преступления против человечества. М.: Юридическая литература, 1986. 400 с.

Алексеев Н.С. Ответственность нацистских преступников. М.: Международные отношения, 1968. 127 с.

Антоненко Б.Т. На преступнике – свастика. М.: Юридическая литература, 1981. 72 с.

Асташкин Д.Ю., Ковалев Б.Н., Кулик С.В. Оккупация, сопротивление, возмездие. Нацистский режим на Новгородской земле. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2016. 275 с.

Вагенленер Г. Немецкие военнопленные перед судом советских военных трибуналов (1941–1953 гг.) // Проблемы военного плена: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции 23–25 октября 1997 г. Ч. 2. Вологда: Вологодский институт повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1997. С. 80–98.

Волчков А.Ф. Агрессия как международное преступление: по материалам Нюрнбергского процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1950. 31 с.

Галицкий В.П. Репрессивная политика Советского правительства в отношении иностранных военнопленных и гражданских лиц (1939–1956 гг.) // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии: материалы к Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Вологда: Русь, 1995. С. 3–13.

Гернет М.Н. Преступления гитлеровцев против человечности. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1946. 26 с.

Глебов Б. Военные преступники перед советским судом // Советское государство и право. 1946. № 3–4. С. 51–60.

Документы обвиняют: сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. М.: Государственное издательство политической литературы, 1943. Вып. 1. 250 с.

Дурденевский В.Н. На пути к международному уголовному правосудию // Иностранная внешняя торговля Наркомвнешторга СССР. Вып. 1. М.: Институт международных отношений, 1945. С. 174–188.

Епифанов А.Е. Организационные и правовые основы деятельности комиссий по установлению и расследованию гитлеровских злодеяний // LEGAL CONCEPT = Правовая парадигма. № 4. 2017. С. 22–29.

Епифанов А.Е. Преследование военных преступников среди военнопленных вермахта в СССР (историко-правовой аспект) // Право и практика. 2017. № 4. С. 6–16.

Зверства немецких захватчиков в районах Сталинградской области, подвергшихся оккупации: документы. Сталинград: Областное книгоиздательство, типография газеты «Колхозник Дона», 1945. 76 с.

Иванов В.Г. Нацистские военные преступники и их покровители. М.: Знание, 1985. 64 с.

⁵¹ GAVO f. 6088, op. 1, d. 20, ll. 321–325.

Карев Д.С. Нюрнбергский процесс. М.: Знание, 1976. 63 с.

Ковалев Б.Н. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России (1941–1945 гг.). Великий Новгород: Новгородский межрегиональный институт общественных наук, 2009. 482 с.

Конасов В.Б. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект проблемы. М.: Институт военной истории Министерства обороны РФ, 1998. 168 с.

Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда: Вологодский институт повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1996. 320 с.

Крупенников А.А. Тяжкая ноша плена. 1993–2000. М.: Рейттарь, 2001. 208 с.

Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М.: Наука, 1986. 448 с.

Кузьмин С.Т. Сроку давности не подлежит. М.: Политиздат, 1985. 206 с.

Кузьминых А.Л. Военный плен и интернирование в СССР. Вологда: Древности Севера, 2016. 527 с.

Лебедева Н.С. Подготовка Нюрнбергского процесса. М.: Наука, 1975. 240 с.

Левин Д.Б. Об уголовной ответственности военнопленных // Вопросы уголовного права. Сб. 1. М.: Юридическое издательство Народного Комиссариата Юстиции СССР, 1944. С. 85–94.

Мелешко Е.П. К истории вопроса об ответственности за нарушения законов и обычаев войны // Советский ежегодник международного права 1960. М.: АН СССР, 1961. С. 220–252.

Молчанов В.К. Возмездие должно свершиться: нацистские военные преступники и их покровители. М.: Политиздат, 1984. 278 с.

Петров Н.В. Внесудебные репрессии против немецких военнопленных в 1941–1946 гг. // Проблемы военного плена: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции 23–25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2. Вологда: Вологодский институт повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1997. С. 77–95.

Пионтковский А.А. Вопросы материального уголовного права на Нюрнбергском процессе. М.: Московский юридический институт, 1948. 28 с.

Полторак А.И. Нюрнбергский процесс (Основные правовые проблемы). М.: Наука, 1966. 351 с.

Полян П. Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация. М.: Ваш выбор ЦИРЗ, 1996. 442 с.

Полянский Н.Н. Международное правосудие и преступники войны. М.: АН СССР, 1945. 117 с.

Рагинский М.Ю. Основные процессуальные вопросы организации и деятельности международных военных трибуналов в Нюрнберге и Токио: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Всесоюзный институт юридических наук Министерства Юстиции СССР, 1950. 16 с.

Ромашкин П.С. Военные преступления империализма. М.: Госюриздат, 1953. 439 с.

Рясной В.В., Чернявский Ю.М. На службе дьяволу. М.: Юридическая литература, 1969. 238 с.

Семиряга М.И. Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 862 с.

Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 1997. 368 с.

Трайнин А.Н. Бесчеловечный гуманизм // Война и рабочий класс. 1944. № 9. С. 16–18.

Трайнин А.Н. Уголовная ответственность гитлеровцев. М.: Юридическое издательство Народного Комиссариата Юстиции СССР, 1944. 107 с.

Утевский Б.С. Судебные процессы о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории СССР. М.: Юридическое издательство, 1946. 60 с.

Bährens K. Deutsche in Straflagern und Gefängnissen der Sowjetunion // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges Bd. 5 (1–3). München–Bielefeld: Ernst und Werner Giesecking, 1965. Bd. 5(1). 574 s.; Bd. 5(2). 592 s.; Bd. 5(3). 599 s.

Hilger A. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956. Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung. Essen: Klartext Verlag, 2000. 486 s.

Hilger A. Sowjetische Justiz und Kriegsverbrechen. Dokumente zu den Verurteilungen deutscher Kriegsgefangener, 1941–1949 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 54 (2006). S. 461–515.

Hilger A. Sowjetische Militärtribunale. Band 1: Die Verurteilung deutscher Kriegsgefangener 1941–1953. Köln: Böhlau Verlag, 2001. 441 s.

Karner S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956. Wien–München: R. Oldenbourg Verlag, 1995. 269 s.

Lang M. Stalins Strafjustiz gegen deutsche soldaten. Die Massen-Prozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in den Jahren 1949 und 1950. Herford: Mittler, 1981. 148 s.

Lehmann A. Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. München: C.H. Beck, 1986. 201 s.

Smith A. Heimkehr aus dem Zweiten Weltkrieg. Die Entlassung der deutschen Kriegsgefangenen. Stuttgart: Verlags-Anstalt, 1985. 204 s.

Wagenlener G. Stalins Willkürjustiz gegen die deutschen Kriegsgefangenen. Bonn: Verlag der Heimkehrer, 1993. 191 s.

References

Aleksandrov, G.N. “Prestupleniya natsistov ne mogut byt' predany zabveniyu” [Nazi crimes cannot be forgotten], *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law], vol. 2 (1968): 117–18. (In Russian).

Alekseev, N.S. *Otvetstvennost' natsistskikh prestupnikov* [The Responsibility of the Nazi Criminals]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1968. 127 p. (In Russian).

Alekseev, N.S. *Zlodeyaniya i vozmezdie. Prestupleniya protiv chelovechestva* [Atrocities and Retribution. Crimes against Humanity]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1986. 400 p. (In Russian).

Antonenko, B.T. *Na prestupnike – svastika* [The Criminal Wearing a Swastika]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1981. 72 p. (In Russian).

Astashkin, D.Yu., B.N. Kovalev, and S.V. Kulik. *Okkupatsiya, soprotivlenie, vozmezdie. Natsistskii rezhim na Novgorodskoi zemle* [Occupation, Resistance, Retribution. The Nazi Regime in the Novgorod Land]. Velikii Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet im. Yaroslava Mudrogo, 2016. 275 p. (In Russian).

Bährens, K. “Deutsche in Straflagern und Gefängnissen der Sowjetunion”. In *Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges Bd. 5 (1–3)*. München–Bielefeld: Ernst und Werner Giesecking, 1965. Bd. 5(1). 574 s.; Bd. 5(2). 592 s.; Bd. 5(3). 599 s. (In German).

Dokumenty obvinyayut: sbornik dokumentov o chudovishchnykh zverstvakh germanskikh vlastei na vremennno zakhvachennykh imi sovetskikh territoriyakh [Documents Accuse: A collection of documents about the monstrous atrocities of the German authorities in the Soviet territories tem-

porarily seized by them], vol. 1, 250 p. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1943. (In Russian).

Durdenevskii, V.N. "Na puti k mezhdunarodnomu ugolovnomu pravosudiyu" [On the way to international criminal justice]. In *Inostrannaya vneshnyaya trgovlya Narkomvneshtorga SSSR* [Foreign trade of Narkomvneshtorg of the USSR], vol. 1, 174–88. Moscow: Institut mezhdunarodnykh otnoshenii, 1945. (In Russian)

Epifanov, A.E. "Organizatsionnye i pravovye osnovy deyatelnosti komissii po ustanovleniyu i rassledovaniyu gitlerovskikh zlodeyanii" [Organizational and legal framework of the commissions for the establishment and investigation of the Nazi atrocities], *LEGAL CONCEPT= Law Paradigm*, vol. 4. (2017): 22–29. (In Russian).

Epifanov, A.E. "Presledovanie voennykh prestupnikov sredi voennoplennykh vermakhta v SSSR (istoriko-pravovoi aspekt)" [Prosecution of war criminals among Wehrmacht prisoners of war in the USSR (historical and legal aspect)], *Pravo i praktika* [Law and Practice], vol. 4 (2017): 6–16. (In Russian).

Galitskii, V.P. "Repressivnaya politika Sovetskogo pravitel'stva v otnoshenii inostrannykh voennoplennykh i grazhdanskikh lits (1939–1956 gg.)" [Repressive policy of the Soviet government in relation to foreign prisoners of war and civilians (1939–1956)]. In *Aktual'nye problemy arkhologii, istochnikovedeniya i istoriografii: materialy k Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 50-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine* [Actual Problems of Archeology, Source Study and Historiography: Materials for the all-Russian scientific conference dedicated to the 50th anniversary of the victory in the Great Patriotic War], 3–13. Vologda: Rus', 1995. (In Russian)

Gernet, M.N. *Prestupleniya gitlerovtsev protiv chelovechnosti* [The Crimes of the Nazis against Humanity]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1946. 26 p. (In Russian).

Glebov, B. "Voennye prestupniki pered sovetskim sudom" [War criminals before a Soviet court], *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], vol. 3–4 (1946): 51–60. (In Russian).

Hilger, A. *Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956. Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung*. Essen: Klartext Verlag, 2000. 486 s.

Hilger, A. Sowjetische Justiz und Kriegsverbrechen. Dokumente zu den Verurteilungen deutscher Kriegsgefangener, 1941–1949, *Vierteljahrshefte für Zeit Geschichte*, 54 (2006): 461–515.

Hilger, A. *Sowjetische Militärtribunale*. Band 1: Die Verurteilung deutscher Kriegsgefangener 1941–1953. Köln: Böhlau Verlag, 2001. 441 s.

Ivanov, V.G. *Natsistskie voennye prestupniki i ikh pokroviteli* [Nazi War Criminals and their Patrons]. Moscow: Znanie, 1985. 64 p. (In Russian).

Karev, D.S. *Nyurnbergskii protsess* [Nuremberg Trials]. Moscow: Znanie, 1976. 63 p. (In Russian).

Karner, S. *Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956*. Wien-München: R. Oldenbourg Verlag, 1995. 269 s.

Konasov, V.B. *Sud'by nemetskikh voennoplennykh v SSSR: diplomaticheskie, pravovye i politicheskie aspekty problemy. Ocherki i dokumenty* [The Fate of German Prisoners of War in the USSR: Diplomatic, Legal and Political Aspects of the Problem. Essays and documents]. Vologda: Vologodskii institut povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki pedagogicheskikh kadrov, 1996. 320 p. (In Russian).

Konasov, V.B. *Sudebnoe presledovanie nemetskikh voennoplennykh v SSSR. Vneshnepoliticheskii aspekt problem* [Prosecution of German Prisoners of War in the USSR. Foreign Policy As-

pect of the Problem]. Moscow: Institut voennoi istorii Ministerstva oborony RF, 1998. 168 p. (In Russian).

Kovalev, B.N. *Natsistskii okkupatsionnyi rezhim i kollaboratsionizm v Rossii (1941–1945 gg.)* [Nazi Occupation Regime and Collaborationism in Russia (1941–1945)]. Velikii Novgorod: Novgorodskii mezhhregional'nyi institut obshchestvennykh nauk, 2009. 482 p. (In Russian).

Krupennikov, A.A. *Tyazhkaya nosha plena. 1993–2000* [Heavy Burden of Captivity. Articles. 1993–2000]. Moscow: Reittar", 2001. 208 p. (In Russian).

Kudryavtsev, V.N. *Zakon, postupok, otvetstvennost'* [Law, Deed, Responsibility]. Moscow: Nauka, 1986. 448 p. (In Russian).

Kuz'min, S.T. *Sroku давности ne podlezhit* [No Statute of Limitations.]. Moscow: Politizdat, 1985. 206 p. (In Russian).

Kuzminykh, A.L. *Voennyy plen i internirovanie v SSSR* [Military Captivity and Internment in the USSR]. Vologda: Drevnosti Severa, 2016. 527 p. (In Russian).

Lang M. *Stalins Straffjustiz gegen deutsche soldaten. Die Massen-Prozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in den Jahren 1949 und 1950*. Herford: Mittler, 1981. 148 s.

Lebedeva, N.S. *Podgotovka Nyurnbergskogo protsesssa* [Preparation for the Nuremberg Trials]. Moscow: Nauka, 1975. 240 p. (In Russian).

Lehmann, A. *Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion*. München: C.H. Beck, 1986. 201 s.

Levin, D.B. "Ob ugovnoi otvetstvennosti voennoplennykh" ['On the criminal liability of prisoners of war']. In *Voprosy ugovnogo prava* [Questions of the Criminal Law], coll. 1, 85–94. Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo Narodnogo Komissariata Yustitsii SSSR, 1944. (In Russian).

Meleshko, E.P. "K istorii voprosa ob otvetstvennosti za narusheniya zakonov i obychev voiny" [On the history of the issue of liability for violations of the laws and customs of war]. In *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava 1960* [Soviet Yearly Periodical of International Law 1960], 220–52. Moscow: AN SSSR, 1961. (In Russian).

Molchanov, V.K. *Vozmezhdie dolzhno svershit'sya: natsistskie voennye prestupniki i ikh pokroviteli* [Retribution must be made: The Nazi war criminals and their patrons]. Moscow: Politizdat, 1984. 278 p. (In Russian).

Petrov, N.V. 'Vnesudebnye repressii protiv nemetskikh voennoplennykh v 1941–1946 gg' [Out-of-court reprisals against German prisoners of war in 1941–1946]. In *Problemy voennogo plena: istoriya i sovremennost': materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 23–25 oktyabrya 1997 g. v g. Vologde* [Problems of Military Captivity: Past and Present: Proceedings of the international scientific and practical conference, 23–25th October 1997, in Vologda], part 2 (1997), 77–95. (In Russian).

Piontkovskii, A.A. *Voprosy material'nogo ugovnogo prava na Nyurnbergskom protsesse* [Questions of Substantive Criminal Law at the Nuremberg Trials]. Moscow: Moskovskii yuridicheskii institut, 1948. 28 p. (In Russian).

Poltorak, A.I. *Nyurnbergskii protsess (Osnovnye pravovye problemy)* [Nuremberg Trials (Basic Legal Problems)]. Moscow: Nauka, 1966. 351 p. (In Russian).

Polyan, P. *Zhertvy dvukh diktatur: Ostarbaitery i voennoplennyye v Tre't'em Reikhe i ikh repatriatsiya* [The Victims of the Two Dictatorships: Ostarbeiters and Prisoners of War in the Third Reich and their Repatriation]. Moscow: Vash vybor TsIRZ, 1996. 442 p. (In Russian).

Polyanskii, N.N. *Mezhdunarodnoe pravosudie i prestupniki voiny* [International Justice and War Criminals]. Moscow: AN SSSR, 1945. 117 p. (In Russian).

Raginskii, M.Yu. *Osnovnye protsessual'nye voprosy organizatsii i deyatelnosti mezhdunarodnykh voennykh tribunalov v Nyurnberge i Tokio* [The main procedural issues of the organization and

activities of the international military tribunals in Nuremberg and Tokyo], PhD thesis. Moscow: All-Union Institute of Jurisprudence of the Ministry of Justice of the USSR, 1950. 16 p. (In Russian).

Romashkin, P.S. *Voennye prestupleniya imperializma* [War Crimes of Imperialism]. Moscow: Gosyurizdat, 1953. 439 p. (In Russian).

Ryasnoi, V.V., and Yu.M. Chernyavskii. *Na sluzhbe d'yavolu* [In the Service of the Devil]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1969. 238 p. (In Russian).

Semiryaga, M.I. *Kollaboratsionizm: priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroi mirovoi voiny* [Collaborationism: Nature, Typology and Manifestations during the Second World War]. Moscow: ROSSPEN, 2000. 862 p. (In Russian).

Smith, A. *Heimkehr aus dem Zweiten Weltkrieg. Die Entlassung der deutschen Kriegsgefangenen*. Stuttgart: Verlags-Anstalt, 1985. 204 s.

Smykalin, A.S. *Kolonii i tyur'my v Sovetskoj Rossii* [Colonies and Prisons in Soviet Russia]. Ekaterinburg: Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 1997. 368 p. (In Russian).

Trainin, A.N. "Beschelovechnyi gumanizm" [Inhuman humanism], *Voina i rabochii klass* [War and Working Class], vol. 9 (1944): 16–18. (In Russian).

Trainin, A.N. *Ugolovnaya otvetstvennost' gitlerovtsev* [The Criminal Responsibility of the Nazis]. Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo Narodnogo Komissariata Yustitsii SSSR, 1944. 107 p. (In Russian).

Utevsikii, B.S. *Sudebnye protsessy o zlodelyaniyakh nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov na territorii SSSR* [The Trials of the Atrocities of the German Fascist Invaders in the USSR]. Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo, 1946. 60 p. (In Russian).

Volchkov, A.F. *Agressiya kak mezhdunarodnoe prestuplenie: po materialam Nyurnbergskogo protsessa* [Aggression as an international crime: Based on the Nuremberg process], PhD thesis. Moscow, 1951. 31 p. (In Russian).

Wagenlener, G. "Nemetskie voennoplennye pered sudom sovetskikh voennykh tribunalo (1941–1953 gg.)" [German POWs before the court of the Soviet military tribunals (1941–1953)]. In *Problemy voennogo plena: istoriya i sovremennost'. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 23–25 oktyabrya 1997 g.* [Problems of Military Captivity: History and Modernity. Materials of the international scientific and practical conference on 23–25th October 1997], part 2 (1997), 80–98. Vologda: Vologodskii institut povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki pedagogicheskikh kadrov (In Russian).

Wagenlener G. *Stalins Willkürjustiz gegen die deutschen Kriegsgefangenen*. Bonn: Verlag der Heimkehrer, 1993. 191 s.

Zverstva nemetskikh zakhvatchikov v raionakh Stalingradskoi oblasti, podvergshikhsya okkupatsii: dokumenty [The atrocities of the German invaders in the areas of Stalingrad region under occupation: Documents]. Stalingrad: Oblastnoe knigoizdatel'stvo, tipografiya gazety 'Kolkhoznik Dona', 1945. 76 p. (In Russian).